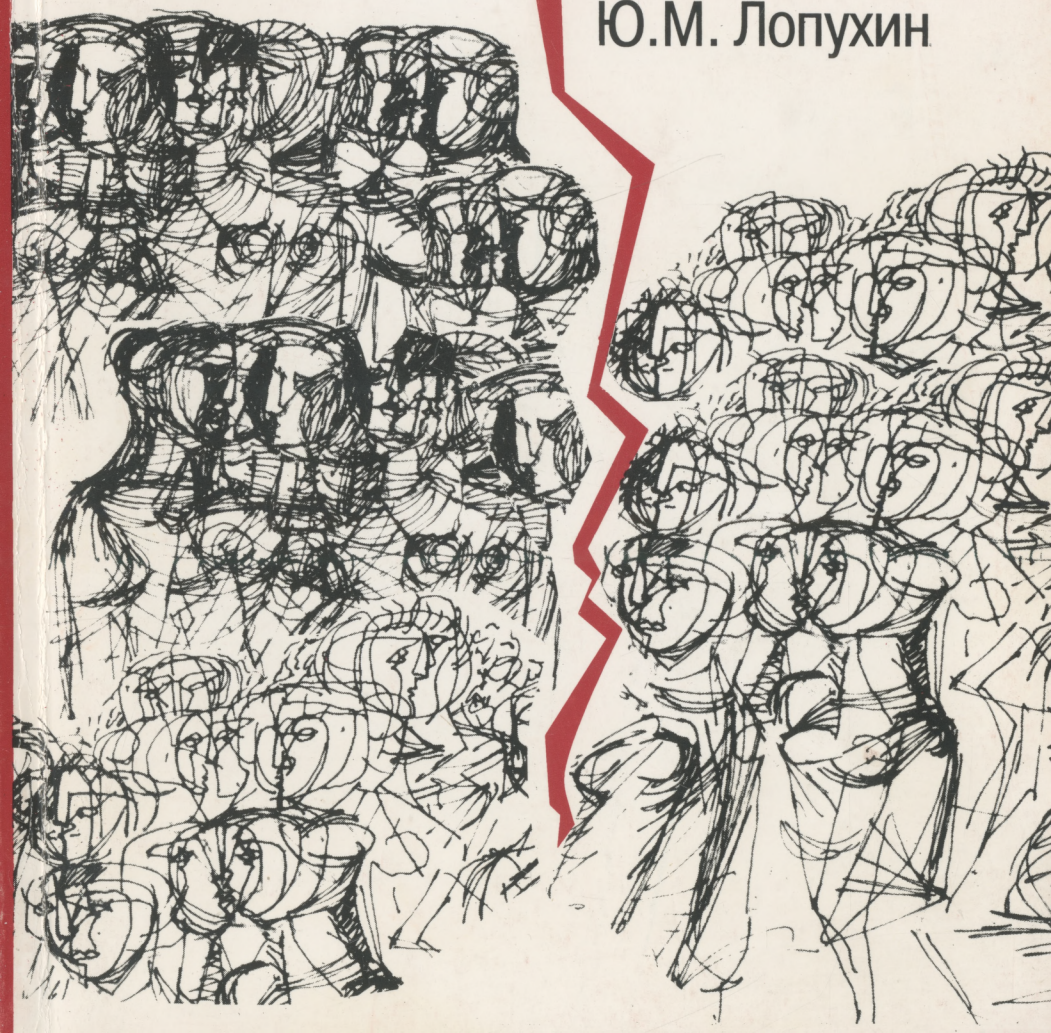

ЛЕНИН

ПРАВДА И МИФЫ О БОЛЕЗНИ СМЕРТИ И БАЛЬЗАМИРОВАНИИ

Ю.М. Лопухин

Ю.М.ЛОПУХИН

**ПРАВДА И МИФЫ
О БОЛЕЗНИ,
СМЕРТИ
И БАЛЬЗАМИРОВАНИИ
ЛЕНИНА**

**Москва
«Медицина»
1997**

ББК 52.5
Л 77

Автор книги — проф., акад. РАМН,
директор НИИ физико-химической медицины МЗРФ.

Лопухин Ю.М.

Л 77 Правда и мифы о болезни, смерти и бальзамировании
Ленина. — М.: Медицина, 1997, 104 с.: ил.
ISBN 5-225-02796-2

Повествование ограничено рамками 1921—1924 гг. Изложен-
ные материалы основаны на архивных документах Российского
центра изучения и хранения документов новейшей истории.
Для широкой медицинской общественности.

Л $\frac{4101000000-87}{039(01)-97}$ Без объявл.

ББК 52.5

Монография

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛОПУХИН

Правда и мифы о болезни, смерти и бальзамировании Ленина

Зав. редакцией *А.К.Владимирова*. Научный редактор *Е.А.Гоголина*
Редактор *Н.Д.Карцева*. Художественный редактор *О.А.Четверикова*
Технический редактор *Н.В.Сорокина*. Корректор *И.И.Жданюк*

ЛР № 010215 от 11.03.92. Сдано в набор 05.09.96. Подписано к печати 25.11.96. Фор-
мат бумаги 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 6,50. Усл. кр.-отт. 6,75. Уч.-изд. л. 6,58. Тираж 5000 экз. Заказ № 10 56 „С” 087.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Медицина”
101000, Москва, Петровверигский пер., 6/8

Оригинал-макет изготовлен в АО ИНПОЛ
125130, Москва, Старопетровский пр., 11

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ВО „Внешторгиздат”
127576, Москва, ул. Илимская, 7

ISBN 5-225-02796-2

© Ю.М.Лопухин, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами рассказ о малоизвестной стороне биографии В.И. Ленина (Ульянова) — о его болезни, смерти и бальзамировании его тела. Автор долго не решался начать работу над этими непростыми темами и тем более публиковать книгу, понимая всю меру сложности и ответственности, связанную с рядом обстоятельств. С одной стороны, существует необъятное море литературы о В.И. Ленине, в которой нетрудно потерять свой голос, свое видение проблем. С другой — нельзя не считаться со сложным и противоречивым отношением нашего посткоммунистического общества к безусловно гигантской фигуре Ленина.

Несмотря на огромную литературную лениниану, остаются запутанными сущность заболевания В.И. Ленина и причина его смерти.

Официальная версия как будто убедительно доказывает атеросклеротическую природу заболевания с поражением сосудов мозга, которое повлекло за собой три больших инсульта (точнее, тромбоза сосудов, что в принципе одинаково плачевно по последствиям) с неизбежной смертью. Но тут же лукаво утверждается по меньшей мере странный диагноз: артериосклероз от изнашивания (?!).

История же его долгой болезни с малыми и большими обострениями, с периодами почти полного восстановления двигательных и речевых функций, с отличной сохранностью интеллекта не укладывается в рамки типичного распространенного атеросклероза. Скорее речь может идти о какой-то капилляропатии — поражении мелких сосудов мозга, а не крупных, как это наблюдается при атеросклерозе.

В иностранной литературе бытует версия о сифилитическом поражении головного мозга Ленина, которая нашими исследователями так толком и не опровергнута. К сожалению, данные о результатах реакции Вассермана, которую в 1922 г. проделал д-р Кожевников, как и полное гистологическое описание очагов поражения мозга Ленина в открытой печати никогда не приводились. Опубликованные в официальных статьях результаты морфологического исследования аорты, коронарных и сонных артерий скудны и неубедительны. Отдельные возвышающиеся атеросклеротические бляшки на стенках аорты, сужение внутренней сонной артерии только в костном канале (?)^{*} — еще не свидетельства тя-

^{*} Канал в костном основании черепа, через который сонная артерия из шеи переходит в полость черепа.

В.И. Ленин. 1921 г.

желого распространенного атеросклероза и вполне могут быть отнесены к возрастным изменениям. Можно с такой же долей вероятности предполагать, что В.И. Ленин страдал болезнью Альцгеймера, или рассеянным склерозом. Так или иначе, нужна полная и правдивая медицинская информация, которая бы поставила точку в этой многолетней запутанной истории.

Практически неизвестной осталась история бальзамирования тела Ленина.

Основоположники бальзамирования — покойные В.П. Воробьев и Б.И. Збарский — в открытой печати оставили только внешнюю канву сложной и драматической истории этой процедуры. Сегодня многие сотрудники Мавзолея уже умерли (С.Р. Мардашев, С.С. Дебов, А.П. Авцын, И.Н. Михайлов и др.). Из старой «гвардии» остались, пожалуй, только автор этой книги, да сотрудники лаборатории при Мавзолее — Ю.А. Ромаков и Л.Д. Жеребцов.

Было бы непростительным потерять для науки уникальный русский способ бальзамирования, который позволяет бесконечно долго сохранять в практически неизменном виде ткани и клетки (разумеется, нежизнеспособные) умерших людей. Этот способ, вероятно, в будущем найдет применение, хотя бы для целей сверхдальних перевозок погибших людей (например, из космоса) или изучения длительно сохраняемого материала, а может быть, и для решения других, не менее перспективных задач.

Повествование ограничено строгими временными рамками: 1921—1924 гг. В центре его — история болезни В.И. Ленина, возникновение идеи бальзамирования и ее реализация.

Автор не скрывает своего особого интереса к удивительной по своей внутренней напряженности работе В.Б. Воробьева и Б.И. Збарского, решившихся несмотря ни на что проделать эту работу (несмотря на критическое состояние тела Ленина, несмотря на большую вероятность неудачи, несмотря на угрозу дискредитации своего научного престижа), и надеется, что этот авторский интерес разделит с ним и читатель.

Изложенные в этой книге материалы основываются главным образом на архивных документах, любезно предоставленных Российским центром изучения и хранения документов новейшей истории (РЦХТДНИ)*. Эти и другие источники указаны в «Библиографии». Автор старался избегать каких-либо вольных трактовок фактов и событий и тем более их политических или исторических оценок.

* Лицензионный договор № 11/1995.

1

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В.И.ЛЕНИНА

Где же тот, кто на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: вперед?

Н. Гоголь. Мертвые души, т. 2, гл. 1.

Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч.

Евангелие от Матфея, гл. 10, 34.

Я стоял на берегу сибирской реки, широко и свободно несущей свои прозрачные воды из глубины материка к океану. Со стороны океана шла по реке рыба. Мощные, сплетенные из упругих мышц рыбы тела скользили вдоль реки плотной колонной, пробираясь вверх против могучего течения воды. Они двигались день и ночь все выше и выше, перескакивая с разбега через скалистые пороги, нередко разбиваясь в кровь об острые камни. Они забывали о пище, об отдыхе и обо всем на свете. Одно неодолимое стремление, одна могучая сила толкала, гнала, призывала их — вперед и выше!

Наконец, они достигали цели — спокойных заводей в верховьях реки, и здесь им предстояло выполнить высшую задачу, их святое предназначение, смысл всей предшествующей жизни — положить начало новой жизни, новому потомству. Сделав это, выметав икру, рыбы бессильно отдавали себя реке, которая несла их истощенные полуживые тела вниз к океану. Дорогой они умирали от кровоизлияний в мозг, разрывов сердца, от истощения, от тяжелых повреждений кровеносных сосудов, не выдержавших сверхтяжелых нагрузок.

И я невольно подумал о судьбе Ленина. Не так ли он упорно и неутомимо шел долгие годы по опасной дороге революционера? Фанатик, аскет жил только одной идеей, одним желанием. Достигнув цели — свершив невиданный в истории человечества переворот в России, Ленин погиб от истощения всех своих жизненных сил, от опустошения многострадального мозга, едва пережив 50-летний рубеж.

БОЛЕЗНЬ

Болезнь В.И.Ленина, первые признаки которой появились в середине 1921 г., протекала своеобразно, не укладываясь ни в одну из обычных форм мозговых заболеваний. Начальные ее проявления в виде кратковременных головокружений с потерей сознания, дважды случившиеся в 1921 г., как, впрочем, и субъективные ощущения навалившейся тяжелой усталости, мучительные страдания от постоянной бессонницы и головных болей вначале рассматривались близкими (да и лечащими врачами) как признаки переутомления, результат чрезмерного напряжения, последствия многочисленных волнений и переживаний, связанных с революцией, гражданской войной, разрухой, внутривластными распрями, с первыми, все еще скромными успехами нового строя.

В августе 1921 г. В.И.Ленин писал А.М.Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу». Да и было от чего устать: работать приходилось невероятно много. М.И.Ульянова свидетельствует, что, например, 23 февраля 1921 г. Ленин принимал участие в 40(!) заседаниях, на которых он председательствовал, давал распоряжения, писал проекты постановлений. Кроме того, в этот же день он принял 68 человек для бесед по текущим проблемам. И так было по существу ежедневно. «С заседаний Совнаркома, — вспоминает М.И.Ульянова, — Владимир Ильич приходил вечером, вернее ночью часа в 2, совершенно измотанный, бледный, иногда даже не мог говорить, есть, а наливал себе только чашку горячего молока и пил его, расхаживая по кухне, где мы обычно ужинали».

Врачи, его лечившие (даже такой опытный терапевт как проф. Ф.А.Гетье, невропатолог Л.О.Даркшевич и вызванные из Германии проф. О.Ферстер и Г.Клемперер), на первых порах считали, что у Ленина ничего, кроме сильного переутомления, нет. «Никаких признаков органической болезни центральной нервной системы, в особенности мозга, налицо не имеется», — таково было заключение немецких профессоров. Все сходились на необходимости длительного отдыха, который, впрочем, как это стало ясно позже, мало помогал.

Зиму 1921—1922 гг. В.И.Ленин пережил тяжело. У него вновь появились головокружения, бессонница и головные боли. По свидетельству проф. Л.О.Даркшевича, приглашенного к Ленину 4 марта 1922 г., имелись «два тягостных для Владимира Ильича явления: во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишавших его возможности работать так, как он работал раньше, а во-вторых, ряд навязчивостей, которые по своим проявлениям сильно пугали больного».

Ленин с тревогой спрашивал Даркшевича: «Ведь это, конечно, не грозит сумасшествием?» В отличие от врачей, лечивших и наблюдавших Ленина и уверявших его, что все симптомы — это ре-

зультат переутомления, сам Ленин уже к этому времени понимал, что он болен тяжело. По поводу первых своих обмороков (головокружений) он уверял Н.А.Семашко, что «это первый звонок». А несколько позже в разговоре с проф. В.В.Крамером и А.М.Кожевниковым после очередного приступа Ленин заметил: «Так когда-нибудь будет у меня кондрашка. Мне уже много лет назад один крестьянин сказал: „А ты, Ильич, помрешь от кондрашки“, — и на мой вопрос, почему он так думает, он ответил: „Да шея у тебя уж больно короткая”».

6 марта 1922 г. Ленин уехал на две недели в деревню Корзинкино Московского уезда. Оставленные в Москве дела и заботы, однако, не отпускали его ни на минуту. В Корзинкино он пишет статью «О значении воинствующего материализма», готовится к выступлению с политическим отчетом на XI съезде партии большевиков. Его тревожат проблемы монополии внешней торговли, судьба Публичной библиотеки, возвращение группы МХАТа из-за границы, финансовое положение высшей школы, развитие концессий, подготовка к Генуэзской конференции, состояние кинофотодела в стране. Он приходит к непростому, но вынужденному решению о необходимости изъятия церковных ценностей для борьбы с голодом, охватившим в это время Поволжье. Его нервируют факты злоупотребления местными властей, волокита с закупкой за границей мясных консервов, работа Совета труда и обороны и т.д. и т.п.

25 марта 1922 г. Ленин возвращается в Москву. 26 марта дорабатывает план политического отчета партии. 27 марта открывает XI съезд РКП(б) и выступает с полуторачасовым политическим отчетом.

В начале апреля состояние Ленина несколько улучшилось, однако вскоре все тягостные симптомы болезни проявились с новой силой: мучительные головные боли, изнуряющая бессонница, нервозность. Ленин не смог участвовать во всех заседаниях XI съезда партии и только в конце съезда (2 апреля) выступил с очень коротким заключительным словом.

10 апреля Ленин отказывает Е.С.Варге в просьбе написать статью о новой экономической политике, его любимом детище, для ежегодного журнала Коминтерна, ссылаясь на скверное самочувствие.

Немецкие профессора Клемперер и Ферстер настаивают на удалении пуль, находившихся в тканях левого плеча и в правой надключичной области после покушения на Ленина 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона в Москве. Они полагали, что плохое самочувствие В.И.Ленина может быть результатом хронического свинцового отравления (позже сам Клемперер отрицал это). Решение весьма спорное и сомнительное, учитывая, что за четыре года, прошедших после покушения, пули уже осумковались и, как полагал

проф. В.Н.Розанов, операция по их извлечению принесет больше вреда, чем пользы. Да и сам Ленин относился к этому предложению скептически: «Ну, одну-то давайте удалим», — согласился он с Розановым, предложившим извлечь пулю, расположенную под кожей над правой ключицей, и не трогать другую. И добавил: «Чтобы ко мне не приставали и чтобы об этом никому не думалось».

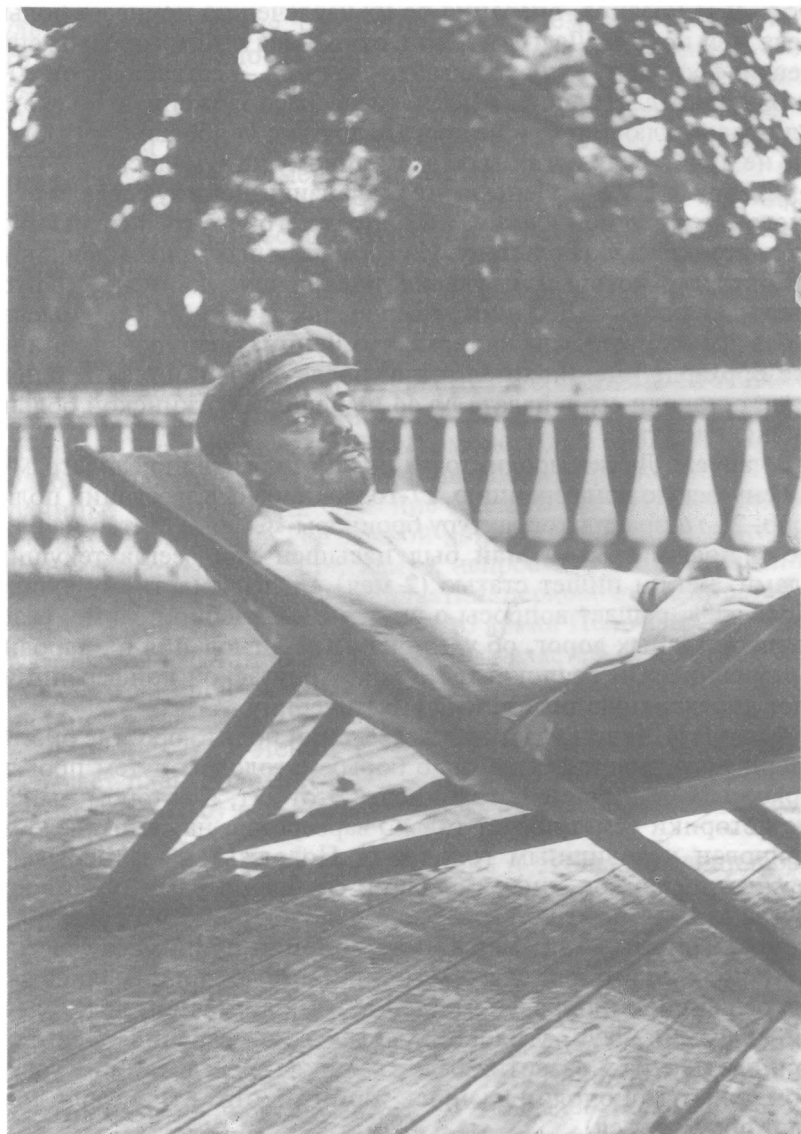
22 апреля 1922 г. в Институте биофизики Ленину сделали рентгенограмму грудной клетки, а 23 апреля его уже госпитализируют в солдатенковскую больницу. Из Германии был приглашен хирург М.Борхардт, который и удалил надключичную пулю. (Спустя много лет проф. А.Д.Очкин неверно, но, видно, не без умысла и не без помощи цензуры написал, что Ленина оперировал Розанов, а не Борхардт.) Ленин хотел тотчас после операции уехать, однако врачи оставили его в палате № 44 нынешней боткинской больницы еще на сутки.

24 апреля Ленин продиктовал проект директивной телеграммы на Генуэзскую конференцию, 27-го участвовал в заседании политбюро, 28-го правил корректуру брошюры «Старые статьи на близкие к новым темы». Май был насыщен как всегда текущими делами. Ленин пишет статью (2 мая) «К десятилетнему юбилею „Правды“», решает вопросы о внутреннем хлебном займе, разделении железных дорог, об увеличении ассигнования на народное образование. Он беспокоится о ходе Генуэзской конференции и шлет директивную телеграмму Г.В.Чичерину.

4 мая В.И.Ленин участвует в заседании политбюро, где окончательно принимается решение о борьбе с голодом путем продажи церковных ценностей за границы. (Этот акт, в котором нынешние историки усматривают только варварство, на самом деле мотивирован чудовищным голодом в Поволжье из-за небывалой засухи и неурожая, иными словами соображениями гуманности. Другое дело — нередко варварское исполнение этого решения на местах.) Трижды — 11; 16 и 18 мая — Ленин принимает участие в заседаниях политбюро и пленума, на которых принимались важные решения: о натуральном налоге, о библиотечном деле, развитии академии наук, уголовном кодексе, о создании радиотелефонного центра и развитии радиотехники, исследовании Курской аномалии, о монополии внешней торговли (этот вопрос еще долго будет обсуждаться).

Однако самочувствие В.И.Ленина было очень плохим: мучила бессонница с бесконечным ночным «прокручиванием» нерешенных проблем, участились головные боли, снизилась работоспособность.

«Каждый революционер, — говорил в это время Ленин проф.Даркшевичу, постоянно его наблюдавшему, — достигши 50 лет, должен быть готов выйти за фланг: продолжать работу по-прежнему он уже не может, ему не только трудно вести какое-ни-

В.И. Ленин. Горки, 1922 г.

будь дело за двоих, но и работать за себя одного, отвечать за свое дело ему становится не под силу. Вот эта-то потеря трудоспособности, потеря роковая, и подошла незаметно ко мне — я совсем стал не работник».

В конце мая 1922 г. Ленин решил отдохнуть в Боржоми или в местечке Шарташ в четырех верстах от Екатеринбурга, полагая, что отдых будет полезен не только ему, но и Н.К.Крупской, страдавшей гипертиреозом (базедова болезнь, или болезнь Грэйвса). Однако планам этим не суждено было сбыться.

23 мая В.И.Ленин уехал в Горки, где пытался работать, однако выглядел он, по свидетельству близких, больным и подавленным. 25 мая после ужина у Ленина появилась изжога, что, впрочем, случалось и ранее. Вечером перед сном он почувствовал слабость в правой руке; около 4 ч утра у него была рвота, сопровождавшаяся головной болью. Утром 26 мая Ленин с трудом объяснил случившееся, не мог читать (буквы «поплыли»), попробовал писать, но сумел вывести только букву «м». Он ощущал слабость в правой руке и ноге. Такие ощущения продолжались недолго, около часа, и затем исчезли. Парадоксально, но никто из приглашенных врачей — ни многоопытный проф.Гетье, ни лечивший его постоянно доктор Левин — не заподозрили мозговое заболевание, а полагали, что все это следствие гастрита, тем более что у матери Ленина подобное случалось. По совету проф.Гетье Ленин принял слабительное (английскую соль), ему был предписан покой.

Поздно вечером в субботу, 27 мая, появились головная боль, полная потеря речи и слабость правых конечностей. Утром 28 мая приехал проф. Крамер, который впервые пришел к выводу, что у Ленина мозговое заболевание, характер которого ему был не совсем ясен. Диагноз профессора был такой: «явление транскортикальной моторной афазии на почве тромбоза». Иными словами, утрата речи из-за поражения моторно-речевой зоны головного мозга на почве закупорки (тромбоза) сосудов. Какова природа тромбоза, оставалось неясным. Крамер полагал, что в основе лежит атеросклероз. Однако то обстоятельство, что явление паралича конечностей и расстройство речи быстро прошли, Крамер объяснил поражением не магистральных (как это чаще бывает при атеросклерозе), а мелких сосудов головного мозга.

Болезнь и в самом деле носила необычный характер. Параличи и парезы то правой руки или правой ноги, то той и другой одновременно повторялись в дальнейшем многократно и быстро исчезали. Головные боли были также периодическими и без какой-либо одной определенной локализации. У Ленина изменился почерк — он стал мелким, бросались в глаза трудность выполнения простых арифметических задач, утрата способности к запоминанию, но, что самое поразительное, полностью, до последней финальной стадии, сохранялся профессиональный интеллект.

Для тяжелого атеросклероза многое было нетипичным: сравнительно молодой возраст (Ленину едва минуло 50 лет), сохранившийся интеллект, отсутствие каких-либо признаков нарушения кровообращения в сердце и конечностях. Не было и явных признаков повышенного кровяного давления, способствующего появлению инсультов и тромбозов мозговых сосудов. Кроме того, как правило, поражение мозга при инсультах или тромбозах необратимы и имеют тенденцию к прогрессированию и, в принципе, бесследно не исчезают. При характерном для атеросклероза недостатке кровоснабжения мозга (ишемии), особенно длительном, интеллектуальные дефекты неизбежны и чаще всего они выражаются в виде слабоумия или психоза, чего у Ленина (по крайней мере до конца 1923 г.) не отмечалось.

30 мая собрался большой консилиум: профессора Россолимо, Крамер, Гетье, Кожевников и Семашко (нарком здравоохранения). Вот запись невропатолога Россолимо: «Зрачки равномерны. Парез правого n. facialis*. Язык не отклоняется. Апраксия** в правой руке и небольшой парез в ней. Правосторонняя гемианопсия***. Двусторонний Бабинский (имеется в виду особый диагностический рефлекс. — Ю.Л.), затушеванный вследствие защитной реакции. Двусторонний ясный Оппенгейм. Речь невнятная, дизартричная с явлениями амnestической афазии». Проф. Г.И. Россолимо признавал, что болезнь Ленина имеет «своеобразное, не свойственное обычной картине атеросклероза течение». Крамер, пораженный сохранностью интеллекта и, как показали дальнейшие наблюдения, периодическими улучшениями состояния, считал, что это не укладывается в картину артериосклероза (в принятой в те годы терминологии не было привычного нам термина „атеросклероз”), ибо „артериосклероз” представляет собой заболевание, имеющее уже в самой природе нечто такое, что ведет за собой к немедленному, но всегда прогрессирующему нарастанию раз возникших болезненных процессов». Словом, было много непонятного. Проф. Гетье, вспоминал Л.Б. Троцкий, «откровенно признавался, что не понимает болезни Владимира Ильича».

Одно из предположений, которое, естественно, составляло врачебную тайну, будучи только догадкой, сводилось к возможности сифилитического поражения головного мозга.

Для врачей России, воспитанных на традициях С.П. Боткина, который говорил, что «в каждом из нас есть немного татарина и сифилиса», и что в сложных и непонятных случаях болезней следует непременно исключить специфическую (т.е. сифилитическую) этиологию заболевания, такая версия была вполне

* Лицевой нерв.

** Нарушения целенаправленного действия.

*** Выпадение поля зрения.

естественной. Тем более что в России сифилис в конце прошлого — начале текущего века в разных формах, включая наследственную и бытовую, был широко распространен.

Это предположение было мало и даже ничтожно маловероятным хотя бы потому, что В.И. Ленин отличался в вопросах семьи и брака абсолютным пуританством, хорошо известным всем, кто его окружал. Однако консилиум врачей решил тщательно проверить и эту версию. Проф. Г.И. Россолимо в разговоре с А.И. Ульяновой 30 мая 1922 г. сказал: «Положение крайне серьезное, и надежда на выздоровление явилась бы в том случае, если в основе мозгового процесса лежали бы сифилитические изменения».

29 мая на консультацию был приглашен проф. А.М. Кожевников — невропатолог, специально исследовавший сифилитические поражения мозга (еще в 1913 г. он опубликовал статью «К казуистике детских и семейных паразитических заболеваний нервной системы»). Он взял кровь из вены и спинномозговую жидкость из позвоночного канала для исследования на реакцию Вассермана и изучения клеточного состава полученного материала. На следующий день был приглашен и опытный окулист М.И. Авербах для исследования глазного дна. Глазное дно позволяет оценить состояние кровеносных сосудов, так как глаз (точнее, его сетчатка) — это по сути выведенная наружу часть мозга. И здесь не было никаких заметных изменений сосудов или патологических образований, которые указывали бы на атеросклероз, сифилис или другую причину болезни мозга. Думаю, что, несмотря на все эти данные, лечащие врачи и особенно Ферстер и Кожевников все-таки не исключали полностью сифилитический генез мозговых явлений. Об этом, в частности, свидетельствует назначение инъекций мышьяка, который, как известно, долгое время был основным противосифилитическим средством.

По-видимому, В.И. Ленин понял подозрения врачей и как-то во время визита А.М. Кожевникова в начале июля 1923 г. заметил: «Может быть, это и не прогрессивный паралич, но, во всяком случае, паралич прогрессирующий».

Сам Ленин не обольщался обычными врачебными утешениями и объяснениями всего случившегося нервным переутомлением. Более того, он был уверен, что близок конец и он уже не поправится.

30 мая 1922 г., будучи в крайне угнетенном состоянии, В.И. Ленин попросил, чтобы к нему приехал И.В. Сталин. Зная твердый характер Сталина, Ленин обратился к нему с просьбой принести ему яд, чтобы покончить счеты с жизнью. Сталин передал содержание разговора М.И. Ульяновой. «Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, наступил, — будто бы сказал Владимир Ильич, — у меня паралич и мне нужна Ваша помощь». Сталин обещал привезти яд, однако тут же передумал, боясь, что

это согласие как бы подтвердит безнадежность болезни Ленина. «Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности». Сталин немедленно вернулся к больному и уговорил его подождать до времени, когда надежды на выздоровление уже не будет. Более того, Сталин оставил письменный документ, из которого явствует, что он не может взять на себя такую тяжкую миссию. Он хорошо понимал всю историческую ответственность и возможные политические последствия такого акта.

После 1 июня 1922 г. здоровье В.И.Ленина начало улучшаться. Уже 2 июня проф. Ферстер отметил: «Исчезли симптомы поражения черепно-мозговых нервов, в частности лицевого и подъязычного, исчез парез правой руки, нет атаксии, ненормальные рефлексy (Бабинского, Россолимо, Бехтерева) отсутствуют. Восстановилась речь. Чтение беглое. Письмо: делает отдельные ошибки, пропускает буквы, но сейчас же замечает ошибки и правильно их исправляет». Ферстер отмечает возбужденное психическое состояние Ленина.

11 июня Ленину стало уже значительно лучше. Проснувшись, он сказал: «Сразу почувствовал, что в меня вошла новая сила. Чувствую себя совсем хорошо. Странная болезнь — прибавил он, — что это могло быть? Хотелось бы об этом почитать».

И Ленин в самом деле стал читать медицинские книги, позаимствованные у младшего брата — врача Д.И.Ульянова.

13 июня в Горках В.И.Ленина перенесли на носилках в большой дом в комнату, из которой выходила дверь на террасу.

16 июня Ленину разрешили встать с постели, и он, как рассказывала медицинская сестра Петрашева: «Пустился даже со мной в пляс».

Несмотря на хорошее в целом состояние, время от времени у Ленина появлялись непродолжительные (от нескольких секунд до минут) спазмы сосудов с параличами правых конечностей, не оставляя, впрочем, после себя заметных следов. «В теле делается вроде буквы „S” и в голове тоже, — объяснял эти „кондрашки” Ленин. — Голова при этом немного кружится, но сознание не теряет. Удержаться от этого невозможно... Если бы я не сидел в это время, то, конечно, упал бы». К сожалению, нередко он падал. По этому поводу Ленин шутил: «Когда нарком или министр абсолютно гарантирован от падения?» и с грустной усмешкой отвечал: «Когда он сидит в кресле».

Спазмы, которых до конца июня у него было десять, В.И.Ленина беспокоили и расстраивали. В течение лета, в июле, августе, припадки были значительно реже. Сильный спазм с потерей речи и парезом конечностей случился 4 августа после инъекции мышьяка; спазм закончился через два часа полным восстановлением

функций. В сентябре их было только два, да и то слабые. Головные боли, бывшие в июне почти ежедневно, в августе прекратились. Наладился и сон; бессонница была только после свиданий с соратниками по партии.

Проф. Ферстер, которому В.И. Ленин верил больше других, 25 августа отметил полное восстановление двигательных функций, исчезновение патологических рефлексов. Доктор разрешил чтение газет и книг.

В августе В.И. Ленина более всего занимали проблемы контроля и работа Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. В сентябре он уже пишет обстоятельную записку в рабоче-крестьянскую инспекцию В.А. Аванесову «Об изучении зарубежного опыта и организации работы канцелярского труда в советских учреждениях».

10 сентября пишет рецензию на книгу О.А. Ерманского «Ложка дегтя в бочке меда». 11 сентября консилиум в составе профессоров О. Форстера, В.В. Крамера и Ф.А. Гетье разрешает Ленину приступить к работе с 1 октября.

2 октября 1922 г. Ленин возвращается в Москву. Дела захлестывают его через край: 3 октября он председательствует на заседании Совнаркома, 6 октября участвует в работе пленума ЦК партии, но чувствует себя очень плохо. 10 октября вновь заседание Совнаркома. Он отказывается принять участие в съезде рабочих текстильной промышленности и выступить на V Всероссийском съезде комсомола (10 октября). По воспоминаниям И.С. Уншлихта (1934), Ленин признавался: «Физически чувствую себя хорошо, но нет уже прежней свежести мысли. Выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок».

Однако 17, 19, 20, 24 и 26 октября 1922 г. он по-прежнему председательствует на заседаниях Совнаркома, занимается множеством крупных и мелких дел (Лозанская конференция, ближневосточные проблемы, селекционная работа, торфяные разработки и т.д.). 29 октября присутствует на спектакле первой студии МХАТ «Сверчок на печи» по Ч. Диккенсу, но, не досмотрев, покидает театр, полностью потеряв интерес к пьесе. 31 октября произносит большую речь на заключительном заседании IV сессии ВЦИК 19-го созыва, а вечером проводит длительное заседание Совнаркома.

Ноябрь 1922 г. — последний активный месяц в политической жизни В.И. Ленина. Он по-прежнему ведет заседания Совнаркома, участвует в заседаниях политбюро, Совета труда и обороны, выступает (на немецком языке) 13 октября на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции». Последнее его публичное выступление было 20 ноября 1922 г. на пленуме Московского совета.

25 ноября врачебный консилиум настаивает на немедленном и абсолютном отдыхе. Однако В.И. Ленин медлит с отъездом; оста-

ются нерешенными тысячи вопросов: строительство семиреченской железной дороги, все еще неясен вопрос о монополии внешней торговли, необходимо усиление борьбы со скупщиками платины, с хищническим ловом рыбы в Азовском море и т.д. и т.п. В.И. Ленин находит время написать в эти дни статью «Несколько слов о Н.Е. Федосееве». Однако силы покидают его и 7 декабря он уезжает в Горки. Несмотря на усталость, Ленин готовится к выступлению на X Всероссийском съезде Советов, 12 декабря он возвращается в Москву. 13 декабря у него случилось два тяжелых приступа с парезами конечностей и полной потерей речи. Врачебный консилиум запишет: «С большим трудом удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела».

Придя в себя после приступов, Ленин, не откладывая, пишет письма, касающиеся вопросов, которые более всего его волнуют: о монополии внешней торговли, о распределении обязанностей между Советом народных комиссаров и Советом труда и обороны.

15 и 16 декабря 1922 г. — вновь резкое ухудшение состояния В.И. Ленина. Он очень волнуется за исход обсуждения на пленуме партии проблемы монополии внешней торговли. Просит Е.М. Ярославского записать выступления Н.И. Бухарина, Т.Л. Пятакова и других по этому вопросу на пленуме партии и непременно показать ему. 18 декабря пленум ЦК принял предложения Ленина о монополии внешней торговли и персонально возложил на Сталина ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами. С этого момента начинаются период изоляции, заточения Ленина, полное отстранение его от партийных и государственных дел. 22—23 декабря 1922 г. здоровье В.И. Ленина вновь ухудшается — парализованы правая рука и правая нога. Ленин не может смириться со своим положением: еще так много нерешенного и недоделанного. Он просит консилиум врачей хотя бы в течение короткого времени диктовать «дневники». На совещании, которое собрал Сталин 24 декабря 1922 г. с участием Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина и врачей, было принято следующее решение:

1. Владимиру Ильичу предоставить право диктовать ежедневно в течение 5—10 мин, но это не должно носить характера переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений.

Это было суровое решение.

ЗАВЕЩАНИЕ

Однако нельзя запретить думать, анализировать, размышлять. Кого оставить после себя руководить партией и государством? Грозит ли партии раскол? Что делать, чтобы предупредить нарождающийся культ генерального секретаря, как демократизировать узкий круг ЦК, пользующийся привилегиями, как исключить «комчванство» новой партийной и советской бюрократии, бесхозяйственность, воровство, хищения, какова роль инспекции и комиссии партийного контроля, будет ли благополучно решен национальный вопрос и автономизация республик, как должна развиваться кооперация?

В.И. Ленин обдумывает эти проблемы в долгие бессонные ночи и каждый день, начиная с 23 декабря 1922 г. и по 5 марта 1923 г., диктует последние свои мысли, редактирует и исправляет корректуру.

Не будучи политиком, автор не берется оценить по существу значение этих статей-размышлений. С точки зрения врачебной, имея в виду ту опустошительную работу, которую проделала болезнь в мозге Ленина, уже приведшая к этому времени к огромным дефектам мозговых структур, невозможно отделаться от ощущения чуда: в статьях, продиктованных в это тяжелое время, — характерные для В.И. Ленина ясный анализ, полемическая убежденность, твердая вера в возможность и реальность создания в России подлинно социалистического государства, богатого и свободного общества, вера в мировую революцию.

Первое письмо к съезду партии (XII съезд намечен на 11 января 1923 г.) начинается со слов: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе». Более всего В.И. Ленина волнуют две проблемы: кастовость ЦК и вероятность раскола партии. Чтобы избежать замкнутости ЦК партии, он предлагает увеличить число членов ЦК до 50—100 человек из числа простых рабочих и крестьян. «Я думаю, — диктует В.И. Ленин 24 декабря 1922 г. по поводу раскола партии, — что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними составляют большую половину опасности раскола». Далее следует характеристика Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова. О Сталине В.И. Ленин пишет только как о человеке, сосредоточившим в своих руках необъятную власть: «Я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Характеристики других вышеупомянутых лиц в целом положительные, но с долей трезвой и суровой критики.

О Л.Б. Троцком: «Лично он, пожалуй, самый способный человек в нашем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью».

О Н.И.Бухарине: «Не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии». О Г.Л.Пятакове: «Человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей». Не они ли, эти ленинские характеристики, сыграли в дальнейшем свою роковую роль в гибели Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Пятакова от рук Сталина? В написанном позже, 4 января 1923 г., добавлении к письму от 24 декабря 1922 г. Ленин предлагает съезду «обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека». Однако было слишком поздно! Содержание письма стало известно Сталину незадолго до съезда, несмотря на просьбы В.И.Ленина держать письмо в секрете. Съезд обсудил это письмо келейно — по делегациям, получившим, разумеется, необходимые указания от уже всесильного Сталина. Текст этого письма был надолго скрыт от партии и от всего народа.

Мне представляется блестящей по глубине и смыслу записка В.И.Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации”» (31 декабря 1922 г.). Более того, ленинские положения о национализме нации угнетающей и национализме нации угнетенных, о взаимоотношениях больших и малых наций, о возможности «оставить Союз советских республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность», о национальных языках («...строжайшие правила относительно употребления национального языка...») и т.д. — чрезвычайно актуальны и сегодня для нашей страны, для оценки сегодняшних «великорусских» тенденций, силовых путей решения национальных конфликтов (Чечня, Карабах, Таджикистан). Кстати, непосредственным поводом этой записки явилась «великорусско-националистическая кампания» Орджоникидзе и Сталина. Далее Ленин диктует странички из дневника, где он уделяет первостепенное внимание народному просвещению: «...в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а других ведомств, с тем чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса».

В больших по объему записках «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше да лучше», продиктованных до 2 марта 1923 г., В.И.Ленин затрагивает ключевые, по его мнению, проблемы: улучшение работы никуда не годного государственного аппарата путем укрепления Рабоче-крестьянской инспекции и комиссии партийного контроля, переход от мелкокрестьянского хозяйства периода НЭПа к кооперации, которая, по мнению Ленина, и приведет к подлинному социализму. К сожалению, все статьи, обычно именуемые «завещанием» В.И.Ленина, хотя и были опубликованы (кроме письма к съезду), но по сути они никак не повлияли на ход истории нашего государства. И.В.Сталин остался на своем ключевом посту, истре-

бил своих противников, упомянутых В.И.Лениным, круто порвал с НЭПом, о котором Ленин писал, что это «всерьез и надолго», провел жестокую коллективизацию. Единственное, в чем он следовал указаниям Ленина, так это укрепление функций КПК и так называемого народного контроля.

КОНЧИНА

Нельзя пройти мимо эпизода, видимо, сильно повлиявшего на отношение В.И.Ленина к И.В.Сталину, которого он еще недавно называл «чудесным грузином», — эпизоде, который к тому же, несомненно, ускорил гибель Ленина. В декабре 1922 г. Сталин, как уже было упомянуто, выполняя поручение партии об изоляции Ленина, в разговоре по телефону оскорбил Н.К.Крупскую, грубо потребовав, чтобы она не говорила с Лениным о делах, иначе он «потянет» ее в ЦКК. Не исключено, что в ответ на то, что она имела разрешение от врачей и она как жена Владимира Ильича лучше знает, что ему можно и что нельзя, Сталин грубо оборвал ее: «Мы еще посмотрим, какая Вы жена Ленина», — намекая на старую дружбу В.И.Ленина с И.Ф.Арманд. «Разговор этот, — вспоминает Мария Ильинична, — чрезвычайно взволновал Крупскую, нервы которой были натянуты до предела, она была не похожа на себя, рыдала». Спустя два с половиной месяца об этом эпизоде Н.К.Крупская рассказала В.И.Ленину, который пришел в страшное волнение и написал резкое письмо Сталину. «Уважаемый т.Сталин! Вы имели грубость обозвать мою жену по телефону и обругать ее, хотя она Вам выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете прервать между нами отношения. С уважением, Ленин». Ответ Сталина поразителен по прямолинейной циничности. Он не пишет «уважаемый» и «с уважением», как это делает В.И.Ленин. К Ленину он обращается официально сухо («т.Ленин»), информируя, что он всего-то и сказал о нарушении режима со стороны Н.К.Крупской. «Впрочем, — пишет Сталин, — если Вы считаете, что для сохранения „отношений“ я должен взять назад сказанные выше слова, я могу их взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя вина и чего собственно от меня хотят. И.Сталин».

Инцидент этот тяжело повлиял на течение болезни В.И.Ленина. 6 марта 1923 г. состояние резко ухудшилось. «Без всяких видимых к тому причин, — запишет В.В.Краммер (он не знал о конфликте), — наступил двухчасовой припадок, выразившийся в полной потере речи и параличом правой конечности».

В.И. Ленин. Горки, 1923 г.

В.И. Ленин. Горки, 1923 г.

В.И. Ленин. 22 января 1924 г.
Посмертная фотография

10 марта 1923 г. припадок повторился и привел к стойким изменениям как со стороны речи, так и функции правых конечностей. 14 марта начинается регулярная публикация официальных бюллетеней о состоянии здоровья В.И.Ленина. Владимир Ильич оказался прикованным к постели без какой-либо возможности общаться с окружающими, тем более читать и писать.

Однако в середине мая 1923 г. состояние здоровья начинает улучшаться, и 15 мая В.И.Ленина увозят из кремлевской квартиры в Горки. Профессор Кожевников пишет, что Ленин «...окреп физически, стал проявлять интерес как к своему состоянию, так и ко всему окружающему, оправился от так называемых сенсорных явлений афазии, начал учиться говорить».

Летом 1923 г., начиная с 15—18 июля, В.И.Ленин начинает ходить, пробует писать левой рукой, в августе уже просматривает газеты. Преданная Надежда Константиновна Крупская ухаживает за больным, учится понимать его жесты, отдельные слова, интонации, мимику. Крупская пишет в письмах И.А.Арманд (дочери И.Ф.Арманд) — другу семьи В.И.Ленина: «Живу только тем, что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия». И позже: «Милая моя Инночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждодневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в оцепенение и не способна уже на писание писем. Поправ-

ка идет здоровая — спит все время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают в ванной массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка, то, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами. Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уже, что выздоравливает, — я уж и в личные секретари к нему прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся...».

18 октября 1923 г. В.И.Ленин просит отвезти его в Москву. Это был грустный прощальный визит. Он осмотрел свой кабинет в Кремле, проехал по Сельскохозяйственной выставке, переночевал в своей квартире и утром уехал в Горки, где ему предстояло остаться до своей кончины.

Ноябрь и декабрь 1923 г. В.И.Ленин провел в сущности в полной изоляции, его посетили только Н.И.Бухарин, Е.А.Преображенский и некоторые другие менее известные лица. 7 января 1924 г. Ленин устраивает елку для детей совхоза и санатория. 17—18 января Крупская читает Ленину отчет о XIII партийной конференции. 19 января Владимир Ильич выезжает в лес на сани, наблюдает за охотой. 19—20 января читает принятую на XIII конференции резолюцию. «Когда в субботу (19 января 1924 г.), — вспоминала Н.К.Крупская, — Владимир Ильич стал волноваться, я сказала ему, что резолюция принята единогласно». 21 января после обеда больного осматривают профессора О.Ферстер и В.П.Осипов.

Вскоре начался последний приступ болезни. В.И.Ленину дали бульон, который он «пил с жадностью, потом успокоился, но скоро заклокотало у него в груди...», — вспоминала Н.К.Крупская. «Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд. Владимир Александрович и Петр Петрович (медбрат и охранник) держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфору, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было».

Вечером в 6 часов 50 минут 21 января 1924 г. В.И.Ленин скончался. Ему было 54 года.

2

ЧЕМ ЖЕ БОЛЕЛ В.И.ЛЕНИН?

Ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.

Евангелие от Матфея, гл. 10, 26.

Я не предполагал и не мог себе представить, что старые архивные документы, относящиеся к периоду болезни и смерти В.И.Ленина, могут обладать таким сильным эмоциональным воздействием. Многое можно почувствовать, понять и прочесть между строк на пожелтых от времени страницах — немых свидетелях ушедшего времени.

Вот торопливо крупным размашистым почерком исписанный Н.А.Семашко листок отрывного блокнота. Интеллигент старой формации, близкий Ленину, нарком здравоохранения, который, как утверждал позже на заседании комиссии по увековечению памяти В.И.Ленина К.Е.Ворошилов, был против длительного сохранения тела покойного вождя, и которого поэтому «надо гнать из комиссии», этот совестливый врач, принимая близко к сердцу свою ответственность и, может быть, чувствуя даже особую личную вину за печальный исход болезни глубоко почитаемого им человека, мучая себя за бессилие сохранить жизнь В.И.Ленина, взволнованно просит патологоанатома А.И.Абрикосова обратить особое внимание на необходимость веских морфологических доказательств отсутствия у Ленина люэтических* поражений ради сохранения светлого образа вождя.

А вот аккуратно сброшюрованные красивые книжечки с черным коленкорovým переплетом и серебряным тиснением, содержащие огромное количество результатов анализов мочи и длиннейших графиков динамики основных показателей анализов, в принципе не очень нужных и ничего не проясняющих. Но зато как аккуратна и добросовестна лечебно-санитарная служба Кремля, как красиво все оформлено!

Хранятся разные варианты (по крайней мере три) протоколов вскрытия тела В.И.Ленина. Написанные от руки под диктовку,

* Люэс — синоним сифилиса.

они несут многочисленные следы правок, поисков наиболее правильных формулировок, испещрены перечеркнутыми абзацами, вставками и т.д. Видно, что особую трудность доставило сочинение итогового документа, в котором на трех страницах убористого текста изложены история болезни, этапы лечения и причина смерти В.И.Ленина. Здесь есть все — и оправдания действия врачей, в большинстве своем (если учесть истинный диагноз) сомнительных и даже неверных, и выдвинутые на первый план якобы успехи предпринятого лечения. К сожалению, в архивах не нашлись результаты анализов крови, хотя известно, что анализы делали многократно. А вот тонкий полупрозрачный листок с результатами анализа спинномозговой жидкости, к счастью, сохранился.

В больших папках собраны фотографии и подробное описание мозга Ленина. Как жестоко исковеркала болезнь могучий мыслительный аппарат — вмятины, рубцы и полости заняли всю левую половину мозга. В картонных архивных папках, содержащих снимки мозга и окрашенные срезы разных тканей (мозга, аорты, сосудов, почек, печени), заключенные в прозрачные стеклышки, еще ощущаются острые запахи формалина и чего-то неуловимого, свойственного только анатомическим театрам.

Нельзя было, однако, не заметить, что подавляющее большинство увиденных мною документов все эти долгие годы оставалось практически вне поля зрения историков, что все они более 70 лет лежат невостребованными. Между тем именно эти документы и только они могут пролить свет на одну из самых вольно или невольно запутанных проблем биографии В.И.Ленина — на суть его болезни. Вряд ли разумно отмахиваться от необходимости полных документальных доказательств истинного заболевания, голословно отрицая все другие версии, кроме атеросклероза, уподобляясь ученому соседу А.П.Чехова, утверждавшему, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». История, как и природа, не терпит пустот и белых пятен. При отсутствии достоверных данных они заполняются вымыслами или похожей на правду ложью.

Вот почему я решил дополнить уже почти законченный рассказ о болезни В.И.Ленина в первой главе новой главой с достаточно подробным описанием добытых в архивах материалов.

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПОТЕМКИ

Как это, к сожалению, нередко бывает при сверхвнимательном отношении к пациенту и привлечении к его лечению сразу многих авторитетных специалистов, очевидный и даже «студенческий» диагноз удивительным образом заменяется каким-нибудь умным,

коллегиально принятым, разумно обоснованным и в конце концов ошибочным диагнозом. Н.А.Семашко, разумеется, из лучших побуждений, особенно в периоды ухудшения здоровья В.И.Ленина, приглашал на консультации многих крупных и известных специалистов России и Европы. К сожалению, все они скорее запутали, чем прояснили суть заболевания. Больному были последовательно поставлены три неверных диагноза, в соответствии с которыми и лечили его неверно: неврастения (переутомление), хроническое отравление свинцом и сифилис мозга.

В самом начале заболевания в конце 1921 г., когда усталость тяжким грузом навалилась на все еще крепкого и сильного В.И.Ленина, лечащие врачи единодушно сходились на диагнозе «переутомление». Очень скоро, однако, стало ясно, что отдых приносит мало пользы и все мучительные симптомы — головные боли, бессонница, снижение работоспособности и т.д. — не прекращаются. В начале 1922 г., еще до первого инсульта была выдвинута вторая концепция — хроническое отравление свинцом от двух пуль, оставшихся в мягких тканях после покушения в 1918 г. Не исключали, впрочем, и последствия отравления ядом кураре, который будто бы содержали пули.

Было решено удалить одну из пуль (операция проведена 23 апреля 1922 г.), что тоже, как известно, не оказало никакого положительного влияния на все ухудшающееся здоровье В.И.Ленина. Тогда-то, вероятно, и возникло предположение о сифилисе, как основе поражения мозга. Теперь трудно сказать, кто выдвинул такую версию, которая прошла далее красной нитью через весь мучительный предсмертный путь Ленина и никогда при его жизни не подвергалась ревизии. В архивных документах и открытой литературе почти все участники тех далеких консилиумов утверждают, что они-то как раз были против такого диагноза, уже тогда предполагали, что у В.И.Ленина поражение сосудов мозга имеет атеросклеротическую природу. О.Ферстер, который с 1922 г. практически постоянно наблюдал В.И.Ленина, сразу после мартовского эпизода с якобы «пищевым» отравлением, утверждал, что он уже тогда диагностировал «тромбоз сосудов мозга с размягчением» (мозга. — Ю.Л.). С этим диагнозом был согласен и Г.Клемперер, наблюдавший Ленина вместе с Ферстером достаточно длительное время.

В июне 1922 г. в официальном докладе, по словам Клемперера, в связи с проведенной операцией по извлечению пули он заявил: у В.И.Ленина атеросклеротическое кровоизлияние в мозг и это заболевание никакой связи с пулей не имеет. А спустя 15 лет после смерти В.И.Ленина, в 1939 г. Клемперер определенно напишет: «Возможность венерического заболевания была исключена». Но ведь лечили Ленина противолужетическими средствами: инъекции препаратов мышьяка, йодистых соединений и др.!

Врачебный консилиум.

Первый ряд (справа налево): Н.А.Семашко, О.Минковский, С.Геншен, А.Штрюмпель, М.Нонне, О.Бумке; второй ряд: В.В.Крамер, О.Ферстер.

В связи с резким ухудшением здоровья В.И.Ленина после очередного инсульта в марте 1923 г. в Москву приехали: А.Штрюмпель — 70-летний «патриарх»-невропатолог из Германии, один из крупнейших специалистов по спинной сухотке и спастическим параличам; С.Е.Геншен — специалист по болезням головного мозга из Швеции; О.Минковский — знаменитый терапевт-диабетолог; О.Бумке — психиатр; проф. М.Нонне — крупный специалист в области нейролюэза (все из Германии). Интернациональный консилиум с участием названных лиц вместе с ранее прибывшим в Москву Ферстером, а также Семашко, Крамером, Кожевниковым и другими не отверг сифилитический генез заболевания.

После осмотра В.И.Ленина 21 марта проф. Штрюмпель ставит диагноз: *endarteritis luetica* (сифилитическое воспаление внутренней оболочки артерий — эндартериит) с вторичным размягчением мозга. И хотя лабораторно сифилис не подтвержден (реакция Вассермана крови и спинномозговой жидкости отрицательная), Штрюмпель безапелляционно утверждает: «...терапия должна

быть только специфической (т.е. антилюэтической)». Весь врачебный ареопаг с этим согласился.

В.И.Ленину стали энергично проводить специфическое лечение. Уже после его смерти, когда диагноз был ясен, при описании всей истории болезни это противосифилитическое лечение находит своеобразное оправдание: «Врачи определили заболевание как последствие распространенного, а частью местного сосудистого процесса в головном мозгу (*sclerosis vasorum cerebri*) и предполагали возможность его специфического происхождения (какой там „предполагали“, они были в гипнотическом заблуждении. — Ю.Л.), вследствие этого были сделаны попытки осторожного применения арсенобензолных и йодистых препаратов». Дальше через запятую идет оправдательная извиняющая вставка, написанная слева на полях «...чтобы не упустить эту меру в случае, если бы такое положение подтвердилось». А затем — и вовсе мажорное продолжение: «...в течение этого лечения наступило весьма существенное улучшение до степени исчезновения болезненных симптомов общих и местных, причем головные боли прекратились уже после первого вливания».

Осторожные доктора (Гетье, Ферстер, Крамер, Кожевников и др.), конечно, лукавили: улучшение действительно наступило, но уже во всяком случае вне всякой связи с введением противолуэтических препаратов. Более того, они далее пишут: «...10 марта наступил полный паралич правой конечности с явлениями глубокой афазии, такое состояние приняло стойкое и длительное течение. Принимая во внимание тяжесть симптомов, было решено прибегнуть к ртутному лечению в форме втираний и *Bismugenal*'а, но их пришлось очень скоро прекратить (уже после трех втираний) вследствие обнаружившегося у больного воспаления легких...» или же, как писал В.Крамер, «...идиосинкразии, т.е. непереносимости».

Надо заметить, что «непереносимость» у В.И.Ленина была и к немецким докторам. Он интуитивно понимал, что доктора ему скорее вредят, чем помогают. «Для русского человека, — признавался Владимир Ильич Кожевникову, — немецкие врачи невыносимы».

А были ли в самом деле аргументы в пользу нейросифилиса? Прямых или безусловных признаков сифилиса не было. Реакция Вассермана крови и спинномозговой жидкости, поставленная не один раз, была отрицательной. Конечно, можно было предполагать врожденный сифилис, столь распространенный в конце прошлого — начале нынешнего века в России. [По данным Кузнецова (цит. по Л.И.Картамышеву), в 1861—1869 гг. в России сифилисом заболело ежегодно более 60 000 человек, а в 1913 г. в Москве на каждые 10 000 человек приходилось 206 больных сифилисом]. Но и это предположение, очевидно, неверно хотя бы потому, что все братья и сестры Ленина рождались в срок и были здоровыми. И уж

вовсе не было оснований полагать, что Ленин мог заразиться сифилисом в результате случайных связей, которых у него, без сомнения, никогда не было.

Что же в таком случае послужило основанием для предположения о нейролюэсе? Скорее всего, сработала логика клиницистов конца прошлого — начала нынешнего века; если неясна этиология, не типична картина заболевания, ищи сифилис — он многолик и многообразен. «С раннего периода заболевания, — писал Ф.Хеншен в 1978 г. — шел спор о причинах поражения сосудов — сифилис, эпилепсия или отравление».

Что касается эпилепсии, точнее, малых припадков, наблюдавшихся во время болезни В.И.Ленина, то они являлись результатом очаговых раздражений коры головного мозга спасчным процессом при рубцевании зон омертвений (ишемий) разных участков мозга, что было подтверждено при аутопсии.

Другой вероятный диагноз — атеросклероз сосудов мозга — тоже не имел абсолютных клинических признаков и во время болезни В.И.Ленина серьезно не обсуждался. Против атеросклероза было несколько веских доводов. Во-первых, отсутствовали симптомы ишемии (нарушение кровообращения) других органов, столь характерные для генерализованного атеросклероза. Ленин не жаловался на боли в сердце, любил много ходить, не испытывал болей в конечностях с характерной перемежающейся хромотой. Словом, у него не было стенокардии, не было и признаков поражения сосудов нижних конечностей.

Во-вторых, течение болезни было нетипичным для атеросклероза: эпизоды с резким ухудшением состояния, парезами и параличами заканчивались почти полным и довольно быстрым восстановлением всех функций, что наблюдалось по крайней мере до середины 1923 г. Конечно, удивительным было и сохранение интеллекта, который обычно после первого же инсульта сильно страдает. Другие возможные заболевания: болезнь Альцгеймера, Пика или рассеянный склероз — так или иначе фигурировали во врачебных дискуссиях, но все они единодушно отвергались.

Был ли резон лечить В.И.Ленина противолуэтическими средствами при таком «зыбком» диагнозе?

В медицине бывают ситуации, когда лечение проводят наугад, вслепую, при непонятной или неразгаданной причине болезни, так называемое лечение *ex juvantibus*. В случае с Лениным, скорее всего, это так и было. В принципе диагноз люэтического поражения сосудов и соответствующее лечение не сказались на течении атеросклероза и не повлияли на predeterminedный исход. Словом, они не принесли физического вреда Ленину (не считая болезненности процедур). Но ложный диагноз «нейролюэс» очень быстро стал инструментом политических инсинуаций и, конечно, нанес немалый моральный ущерб личности В.И.Ленина.

ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. ВРЕМЕННОЕ БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ

В ночь после смерти В.И.Ленина, 22 января 1924 г., была создана комиссия по организации похорон. В ее состав вошли Ф.Э.Дзержинский (председатель), В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, В.Д.Бонч-Бруевич и др. Комиссия приняла несколько неотложных решений: поручила скульптору С.Д.Меркурову немедленно снять гипсовую маску с лица и рук Ленина (что было сделано в 4 ч утра), пригласить известного московского патологоанатома А.И.Абрикосова для временного бальзамирования (на трое суток до похорон) и произвести вскрытие тела. Гроб с телом было решено поместить в Колонном зале для прощания с последующим захоронением на Красной площади.

Для временного бальзамирования («замораживания») применили стандартный раствор, состоящий из формалина (30 частей), хлорида цинка (10 частей), спирта (20 частей), глицерина (20 частей) и воды (100 частей). Был произведен обычный разрез грудной клетки вдоль хрящей ребер и временно удалена грудина. Через отверстие в восходящей аорте с помощью большого шприца типа «Жанэ» введена консервирующая жидкость. «При наполнении, — вспоминал 29 января 1924 г. присутствовавший во время аутопсии Н.А.Семашко, — обратили внимание на то, что височные артерии не контурируются и на нижней части ушной раковины (видимо, правой? — Ю.Л.) образовались темные пятна. После наполнения жидкостью пятна эти стали рассасываться и когда кончики ушей растерли пальцами, они порозовели и все лицо получило совершенно свежий облик». Таким образом, были все признаки удачного пропитывания тканей головы и тела бальзамирующим раствором и хорошей сохранности сосудистой системы. Однако почти сразу же вслед за введением раствора пришлось произвести аутопсию, что повлекло за собой неизбежное вытекание раствора из тканей.

В протоколе вскрытия записано: «Пожилой мужчина правильного телосложения, удовлетворительного питания. На коже переднего конца правой ключицы линейный рубец длиной 2 см. На наружной поверхности левого плеча еще один рубец неправильного очертания, 2 1 см (след первой пули). На коже спины под углом левой лопатки — кругловатый рубец 1 см (след второй пули). На границе нижней и средней части плечевой кости прощупывается костная мозоль. Выше этого места на плече прощупывается в мягких тканях первая пуля, окруженная соединительнотканной оболочкой. Череп — по вскрытии — твердая мозговая оболочка утолщена по ходу продольного синуса, тусклая, бледная. В левой височной и частично лобной области имеется пигментация желтого цвета. Передняя часть левого полушария по сравнению с пра-

вой несколько запавшая. Сращение мягкой и твердой мозговых оболочек у левой сильвиевой борозды. Головной мозг — без мозговой оболочки — весит 1340 г. В левом полушарии, в области прецентральных извилин, теменной и затылочных долей, парacentральных щелей и височных извилин — участки сильного западения поверхности мозга. Мягкая мозговая оболочка в этих местах мутная, белесоватая, с желтоватым оттенком.

Сосуды основания мозга. Обе позвоночные артерии не спадаются, стенки их плотные, просвет на разрезе резко сужен (щель). Такие же изменения в задних мозговых артериях. Внутренние сонные артерии, а также передние артерии мозга плотные, с неравномерным утолщением стенок; значительно сужен их просвет. Левая внутренняя сонная артерия в ее внутричерепной части просвета не имеет и на разрезе представляется в виде сплошного, плотного, белесоватого тяжа. Левая сильвиева артерия очень тонка, уплотнена, но на разрезе сохраняет небольшой щелевидный просвет. При разрезе мозга желудочки его расширены, особенно левый, и содержат жидкость. В местах западений — размягчение тканей мозга с множеством кистозных полостей. Очаги свежего кровоизлияния в области сосудистого сплетения, покрывающего четверохолмие.

Внутренние органы. Имеются спайки плевральных полостей. Сердце увеличено в размерах, отмечается утолщение полулунных и двустворчатых клапанов. В восходящей аорте небольшое количество выбухающих желтоватых бляшек. Венечные артерии сильно уплотнены, просвет их зияет, ясно сужен. На внутренней поверхности нисходящей аорты, а также и более крупных артерий брюшной полости — многочисленные, сильно выбухающие желтоватые бляшки, часть которых изъязвлена, петрифицирована.

Легкие. В верхней части левого легкого имеется рубец, на 1 см проникающий в глубину легкого. Вверху фиброзное утолщение плевры.

Селезенка, печень, кишечник, поджелудочная железа, органы внутренней секреции, почки без видимых особенностей.

Анатомический диагноз. Распространенный атеросклероз артерий с резко выраженным поражением артерий головного мозга. Атеросклероз нисходящей части аорты. Гипертрофия левого желудочка сердца, множественные очаги желтого размягчения (на почве склероза сосудов) в левом полушарии головного мозга в периоде рассасывания и превращения в кисты. Свежее кровоизлияние в сосудистое сплетение головного мозга над четверохолмием. Костная мозоль плечевой кости.

Инкапсулированная пуля в мягких тканях в верхней части левого плеча.

Заключение. Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их из-

нашивания (*Abnutzungssclerose*). Вследствие сужения просвета артерий мозга и нарушения его питания от недостаточности подтока крови наступали очаговые размягчения тканей мозга, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной смерти явилось: 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозгу; 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия.

Аутопсия была начата в 11 часов 10 минут и закончена в 15 часов 50 минут 22 января 1924 г.

А вот результаты микроскопического анализа, проведенного А.И.Абрикосовым: «Имеет место утолщение внутренних оболочек в местах атеросклеротических бляшек. Всюду присутствуют липоиды, относящиеся к соединениям холестерина. Во многих скопищах бляшек — кристаллы холестерина, известковые слои, петрификация.

Средняя мышечная оболочка сосудов атрофична, склеротична во внутренних слоях. Наружная оболочка без изменений.

Головной мозг. Очаги размягчения (кисты), рассасывание мертвой ткани, заметны и так называемые зернистые шары, отложения зерен кровяного пигмента. Уплотнение глии — небольшое.

Хорошее развитие пирамидальных клеток, в лобной доле правого полушария, нормальные вид, размеры, ядра, отростки.

Правильное соотношение слоев клеток справа. Отсутствия изменений миелиновых волокон, невроглии и внутримозговых сосудов (справа).

Левое полушарие — разрастание мягкой мозговой оболочки, отек.

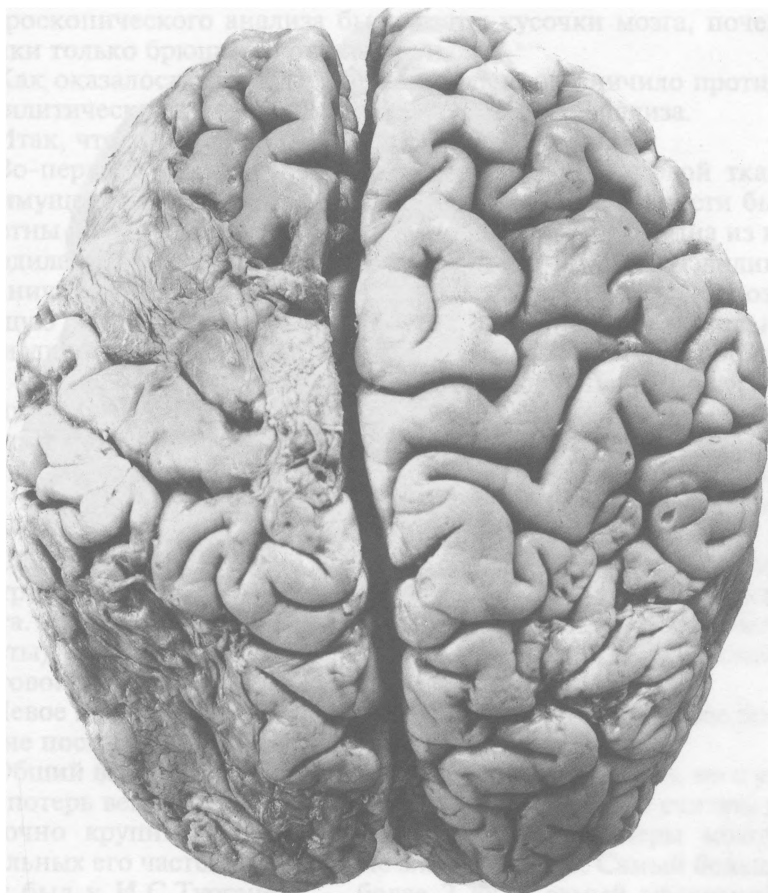
Заключение. 16 февраля 1924 г. Атеросклероз — склероз изнашивания. Изменение сосудов сердца, нарушение питания органа».

«Таким образом, — пишет А.И.Абрикосов, — микроскопическое исследование подтвердило данные вскрытия, установив, что единственной основой всех изменений является атеросклероз артериальной системы с преимущественным поражением артерий мозга. Никаких указаний на специфический характер процесса (сифилис и др.) ни в сосудистой системе, ни в других органах не обнаружено».

Любопытно, что эксперты Ферстер, Осипов, Дешин, Розанов, Вейсборд, Бунак, Гетье, Елистратов, Обух и Семашко нашли необычный, но, видимо, достаточно подходящий в данном случае термин, определяющий особенности сосудистой патологии мозга Ленина — *Abnutzungssclerose*, т.е. склероз от изнашивания.

АТЕРОСКЛЕРОЗ

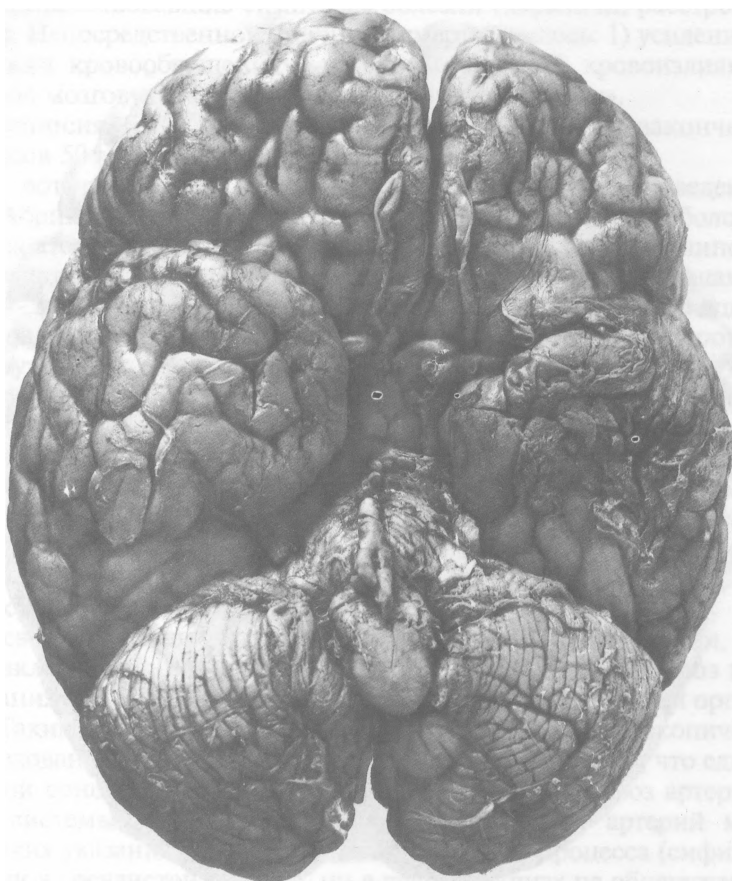
На третий день после кончины В.И.Ленина, 24 января 1924 г., Н.А.Семашко, обеспокоенный распространяющимися в России и за рубежом слухами о якобы сифилитической природе заболевания покойного, а также сравнительно скудными доказательствами

Мозг Ленина. Вид сверху.

Заметно уменьшение объема левого полушария, спайки в лобно-теменной и затылочной областях.

в пользу атеросклероза, приведенными в акте вскрытия, пишет, видимо, по начальству: «Разъяснение об отсутствии всяких указаний на сифилитическое поражение они все (в том числе и Вейсброд) считают более целесообразным упомянуть в протоколе микроскопического исследования, которое сейчас готовится. Н.Семашко. 24.1».

Мозг Ленина. Вид снизу.

Надо заметить, что вскрытие тела было произведено 22 января в непривычных условиях «на втором этаже дома в комнате с выходом на запад террасой. Тело Владимира Ильича лежало на составленных рядом двух столах, покрытых клеенкой» (примечание к акту вскрытия). Так как предполагались кратковременное сохранение тела и подготовка его к обозрению, при аутопсии были до-

пущены некоторые упрощения. Не был сделан разрез на шее и, таким образом, не были обнажены, осмотрены и взяты на микроскопическое исследование сонные и позвоночные артерии. Для микроскопического анализа были взяты кусочки мозга, почек и стенки только брюшного отдела аорты.

Как оказалось впоследствии, это сильно ограничило противосифилитические аргументы микроскопического анализа.

Итак, что же следует выделить из акта вскрытия?

Во-первых, многочисленные очаги некроза мозговой ткани, преимущественно в левом полушарии. На его поверхности были заметны шесть зон западения (провалов) коры мозга. Одна из них находилась в теменной области и охватывала крупные извилины, ограничивающие спереди и сзади глубокую центральную борозду, идущую от макушки книзу. Эти борозды «ведают» чувствительными и двигательными функциями всей правой половины тела, и чем выше к макушке расположен очаг омертвления мозговой ткани, тем ниже на теле наблюдаются расстройства движения и чувствительности (стопа, голень, бедро и др.). Вторая зона относится к лобной доле мозга, которая, как известно, имеет отношение к интеллектуальной сфере. Третья зона располагалась в височной и четвертая — в затылочной долях.

Снаружи кора мозга во всех этих участках и особенно в зоне центральной борозды была спаяна грубыми рубцами с оболочками мозга. Глубже находились пустоты, наполненные жидкостью (кисты), образовавшиеся в результате рассасывания омертвевшего мозгового вещества.

Левое полушарие потеряло не менее трети массы. Правое полушарие пострадало незначительно.

Общий вес мозга не превышал средних цифр (1340 г), но с учетом потерь вещества в левом полушарии следует мозг считать достаточно крупным. (Впрочем, масса, как и размеры мозга и отдельных его частей, в принципе значимы мало. Самый большой мозг был у И.С.Тургенева — более 2 кг, а самый маленький у А.Франса — чуть более 1 кг.)

Эти находки объясняют картину заболевания: правосторонний паралич без вовлечения мышц лица и шеи, трудности со счетом (сложение, умножение), что свидетельствует о выпадении в первую очередь непрофессиональных навыков. Интеллектуальная же сфера, связанная более всего с лобными долями, даже в финальной стадии болезни была достаточно сохранной. Когда врачи предложили В.И.Ленину в качестве отвлекающего (или успокаивающего) средства играть в шашки, да еще непременно со слабым противником, он раздраженно заметил: «Что они, за дурака что ли меня считают?»

Сращение же коры мозга с оболочками, особенно выраженные в области центральных извилин, несомненно, явились причиной

тех частых эпизодов кратковременных судорожных припадков, которые так беспокоили больного.

Дало ли что-нибудь исследование мозга для определения изначальной причины его поражения? Отметим в первую очередь, что типичных сифилитических изменений типа гумм, особых опухолеподобных разрастаний, характерных для третичного сифилиса, не найдено. Были обнаружены зернистые шары в окружности кистозных полостей — результат деятельности фагоцитов — клеток, рассасывающих гемоглобин, и омертвевшие ткани.

Не подтвержден диагноз Штрюмпеля — люэтический эндартериит. Просвет артерий мозга, отходящих от артериального круга большого мозга (виллизиев круг — по прежней номенклатуре), действительно был сужен, однако что явилось причиной этого — инфекция или атеросклероз — по морфологической картине определить практически невозможно. Скорее всего, речь может идти о плохом наполнении этих сосудов из-за их сужения или закупорки левой внутренней сонной артерии. Известные патологи А.И.Струков, А.И.Авцын, Н.Н.Боголепов, неоднократно проводившие экспертизу препаратов мозга Ленина, категорически отрицают наличие каких-либо морфологических признаков специфического (люэтического) поражения.

Далее были осмотрены кровеносные сосуды самого мозга после его извлечения из черепной коробки. Вероятно, удалось увидеть из полости черепа разрезанную левую внутреннюю сонную артерию, которая оказалась полностью облитерированной. Правая сонная артерия тоже выглядела пораженной, имела несколько суженный просвет.

Заметим, что большая масса мозга снабжается кровью только за счет четырех сосудов, из которых две крупные внутренние сонные артерии обеспечивают питание передних двух третей мозга, а две сравнительно тонкие позвоночные артерии орошают мозжечок и затылочные доли мозга (заднюю треть мозга).

Одной из созданных разумной природой мер, снижающих опасность немедленной смерти от закупорки или повреждения одной-двух и даже трех из упомянутых артерий, является соединение всех четырех артерий друг с другом на основании мозга в виде сплошного сосудистого кольца — артериального круга. А уж от этого круга идут артериальные ветви — вперед, к середине и назад. Все крупные артериальные ветви мозга располагаются в щелях между многочисленными извилинами и «отдают» мелкие сосуды с поверхности в глубину мозга.

Мозговые клетки, надо сказать, необычайно чувствительны к обескровливанию и невосвратимо погибают уже после пятиминутной остановки кровообращения.

И если у В.И.Ленина более всего была поражена левая внутренняя сонная артерия, то снабжение кровью левого полушария

происходило за счет правой сонной артерии через артериальный круг большого мозга. Разумеется, оно было неполноценным. Более того, левое полушарие как бы «обкрадывало» кровообращение и здорового правого полушария. В акте вскрытия указывается, что суженным был просвет основной артерии (*a.basilaris*), которая образуется из слияния обеих позвоночных артерий, а также всех шести собственно мозговых артерий (передних, средних и задних).

Даже кратковременный спазм мозговых сосудов, не говоря уже о тромбировании или разрывах стенок, при таких глубоко зашедших поражениях основных питающих мозг артерий, разумеется, приводил или к непродолжительным парезам конечностей и дефектам речи или к стойким параличам. Это и наблюдалось в конечной стадии заболевания.

Можно только сожалеть, что не были исследованы сосуды на шее, так называемые экстракраниальные сосуды: общие наружные и внутренние сонные артерии, а также позвоночные артерии, отходящие от крупных щитовидно-шейных стволов. Теперь хорошо известно, что именно здесь, в этих сосудах, разыгрывается главная трагедия — атеросклеротическое их поражение, ведущее к постепенному сужению просветов из-за развития выступающих в просвет бляшек и утолщения оболочек сосудов вплоть до полного их закрытия.

Во времена Ленина эта форма болезней мозга (так называемая экстракраниальная патология) была по существу неизвестной. В 20-х годах не было средств диагностики таких заболеваний (ангиография, разные виды энцефалографии, определение объемной скорости кровотока с помощью ультразвуковых исследований и т.д.). Не существовало и эффективных средств лечения: ангиопластики, шунтирования сосудов в обход суженного места и многих других.

Атеросклеротические типичные бляшки обнаружены при патологоанатомическом исследовании тела Ленина в стенках брюшного отдела аорты. Сосуды сердца были изменены незначительно, как и сосуды всех внутренних органов. Вот как сообщал О.Ферстер 7 февраля 1924 г. в своем письме коллеге О.Витке о происхождении болезни В.И.Ленина: «Аутопсия показала тотальную облитерацию левой внутренней сонной артерии, всей *a.basilaris*. Правая *a.carotis int.* — с тяжелым кальцинозом. Левое полушарие за малым исключением тотально разрушено — правое имеет изменения. Тяжелый *aortitis abdominalis*, легкий коронаросклероз» [Kuhlendahl. Der Patient Lenin, 1974].

Н.А.Семашко в статье «Что дало вскрытие тела Владимира Ильича» (1924 г.) писал: «Основная артерия, которая питает примерно $\frac{2}{3}$ всего мозга „внутренняя сонная артерия“ (*arteria carotis interna*) при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном разрезе не спадались, значительно

закрывали просвет, а в некоторых местах были пропитаны настолько известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости».

Что касается сифилиса, то ни патологоанатомическое исследование, ни микроскопический анализ кусочков тканей никаких специфических для этого заболевания изменений не обнаружили. Не было ни характерных гуммозных образований в мозгу, мышцах или во внутренних органах, ни типичных изменений крупных сосудов с поражением преимущественно средней оболочки. Конечно, было бы крайне важным исследование дуги аорты, которая при сифилисе поражается в первую очередь. Но, по всей видимости, патологоанатомы были настолько уверены в диагнозе распространенного атеросклероза, что сочли лишним проводить исследования такого рода.

Лечащих врачей, как и последующих исследователей, более всего поражало несоответствие течения заболевания В.И.Ленина с обычным ходом атеросклероза сосудов головного мозга, описанным в медицинской литературе. Раз наступившие дефекты быстро исчезали, а не утяжелялись, как это обычно бывает, болезнь шла какими-то волнами, а не по наклонной, как обычно. По этому поводу было создано несколько своеобразных гипотез.

Пожалуй, разумнее всего согласиться с мнением В.Крамера, которое разделял и А.М.Кожевников. В марте 1924 г. в статье «Мои воспоминания о В.И.Ульянове-Ленине» он пишет: «Чем же объясняется своеобразие, не свойственное обычной картине общего мозгового атеросклероза, течение болезни Владимира Ильича? Ответ может быть только один — у выдающихся людей, как гласит внедрившееся в сознание врачей убеждение, все необычно: как жизнь, так и болезнь течет у них всегда не так, как у других смертных».

Ну что же, объяснение далеко не научное, но зато по-человечески вполне понятное.

Полагаю, сказанного достаточно, чтобы сделать определенный и ясный **вывод**: у В.И.Ленина было тяжелое поражение мозговых сосудов, особенно системы левой сонной артерии. Неясным, однако, остается причина столь необычного — превалирующего — одностороннего поражения именно левой сонной артерии.

МОЗГ В.И.ЛЕНИНА

Вскоре после смерти В.И.Ленина правительство приняло решение о создании специального научного института по изучению мозга Ленина (ныне Научно-исследовательский институт мозга РАМН).

Соратникам В.И.Ленина представлялось важным и вполне вероятным обнаружить те особенности строения мозга вождя, кото-

рые определили его необычайные способности. К изучению мозга Ленина были привлечены крупнейшие нейроморфологи России Г.И.Россолимо, С.А.Саркисов, А.И.Абрикосов и др. Из Германии пригласили известного ученого О.Фохта и его ассистентов.

Антрополог В.В.Бунак и анатом А.А.Дешин тщательно описали внешнее строение мозга: особенности расположения и величины борозд, извилин и долей. Единственное, что можно извлечь из этого скрупулезного описания, — представление о хорошо сформированной, без каких-либо заметных отклонений от нормы коре головного мозга (разумеется, правого здорового полушария).

Большие надежды возлагали на исследование цитоархитектоники мозга для выявления чего-либо необычного, иными словами, на определение количества и величины мозговых клеток, изучение их послойного расположения, отростков и т.д. Среди множества различных находок, не имеющих, впрочем, строгой функциональной оценки, следует отметить хорошо развитый третий и пятый (клетки Беца) слои клеток. Возможно, их сильная выраженность связана с необычными свойствами мозга Ленина. Впрочем, это могло быть результатом компенсаторного их развития взамен потери части нейронов левого полушария.

Учитывая ограниченные возможности морфологии того времени, было решено мозг рассечь на тонкие срезы, заключив их между двумя стеклами. Таких срезов получилось около 2000 и они вот уже более 70 лет находятся в хранилище Института мозга, «ожидая» новых методик и новых исследователей. Получения в будущем каких-либо особых результатов от морфологических исследований, вероятно, ожидать трудно.

Мозг — уникальный и необычный орган. Созданный из жироподобных веществ, компактно упакованный в замкнутую костную полость, связанный с внешним миром только через глаз, ухо, нос и кожу, мозг определяет всю суть его носителя: память, способности, эмоции, неповторимые нравственные и психологические черты. Но самое парадоксальное заключается в том, что мозг, хранящий колоссальную по объему информацию, являясь совершеннейшим аппаратом ее переработки, будучи мертвым, уже ничего существенного не может «сообщить» исследователям о своих функциональных особенностях (по крайней мере на современном этапе). Точно так же, как по расположению и количеству элементов современной ЭВМ невозможно определить, на что она способна, какова у нее память, какие программы в нее заложены, каково ее быстроедействие.

Мозг гения может быть таким же по своему строению, как мозг идиота. Впрочем, сотрудники Института мозга, занимающиеся цитоархитектоникой мозга Ленина, полагают, что это совсем не так или не совсем так.

РОКОВАЯ ПУЛЯ КАПЛАН

Ранение В.И.Ленина, случившееся на заводе Михельсона 30 августа 1918 г., в конце концов сыграло едва ли не решающую роль в его заболевании и смерти.

Фанни Каплан стреляла в Ленина с расстояния не более трех метров из пистолета системы Браунинг пулями среднего калибра. Судя по воспроизведенной картине следственного эксперимента, проведенного Кингисеппом, в момент выстрелов Ленин разговаривал с Поповой, повернувшись к убийце левым боком. Одна из пуль попала в верхнюю треть левого плеча и, разрушив плечевую кость, застряла в мягких тканях надплечья. Другая же, войдя в левое надплечье, зацепила ость лопатки и, пронизав шею насквозь, вышла с противоположной, правой, стороны под кожу вблизи соединения ключицы с грудной костью. На рентгенограмме, сделанной Д.Т.Будиновым (ординатор екатериненской больницы) 1 сентября 1918 г., хорошо видно положение обеих пуль.

Каков же был разрушительный ход пули от входного отверстия на задней поверхности надплечья до края правой грудиноключично-сосцевидной мышцы?

Пройдя через слой мягких тканей, пуля с уже расщепившейся от удара в ость лопатки зазубренной головкой прошла через верхушку левого легкого, выходящую на 3—4 см выше ключицы, разорвав покрывающую ее плевру и повредив легочную ткань на глубину около 2 см. В этом участке шеи (так называемый лестнично-позвоночный треугольник) расположена густая сеть кровеносных сосудов (щитовидно-шейный ствол, глубокая артерия шеи, позвоночные артерии, венозное сплетение). Но, что самое важное, — здесь проходит главная артерия, питающая мозг — общая сонная артерия вместе с толстой яремной веной, блуждающим и симпатическим нервами. Пуля не могла не разрушить густую сеть артерий и вен в этой области и так или иначе не повредить или ушибить (контузить) стенку сонной артерии. Из раны на спине сразу после ранения наружу обильно вытекала кровь, которая в глубине раны поступала также и в плевральную полость, вскоре полностью ее заполнив. «Громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое сместило так далеко сердце вправо», — вспоминал в 1924 г. В.Н.Розанов.

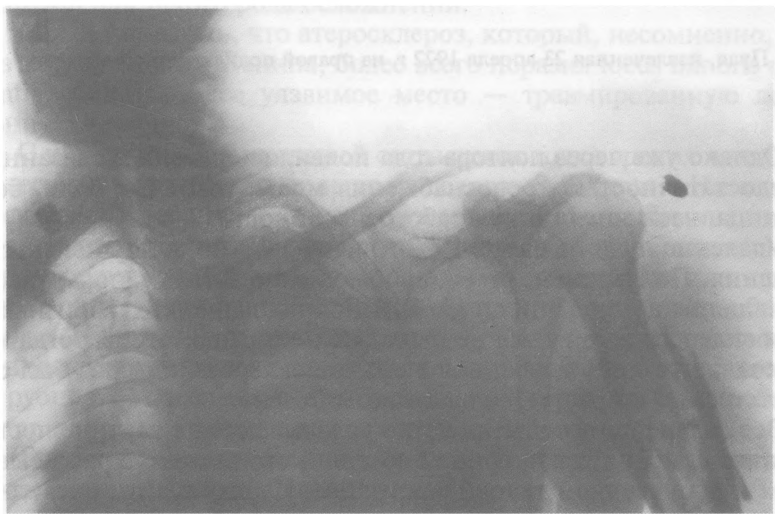
Далее пуля проскользнула позади глотки, и столкнувшись с позвоночником, изменила свое направление, проникнув на правую сторону шеи в область внутреннего конца ключицы. Здесь образовалась подкожная гематома (скопление крови в жировой клетчатке).

Несмотря на тяжесть ранения, В.И.Ленин довольно быстро поправился и после кратковременного отдыха приступил к активной деятельности.

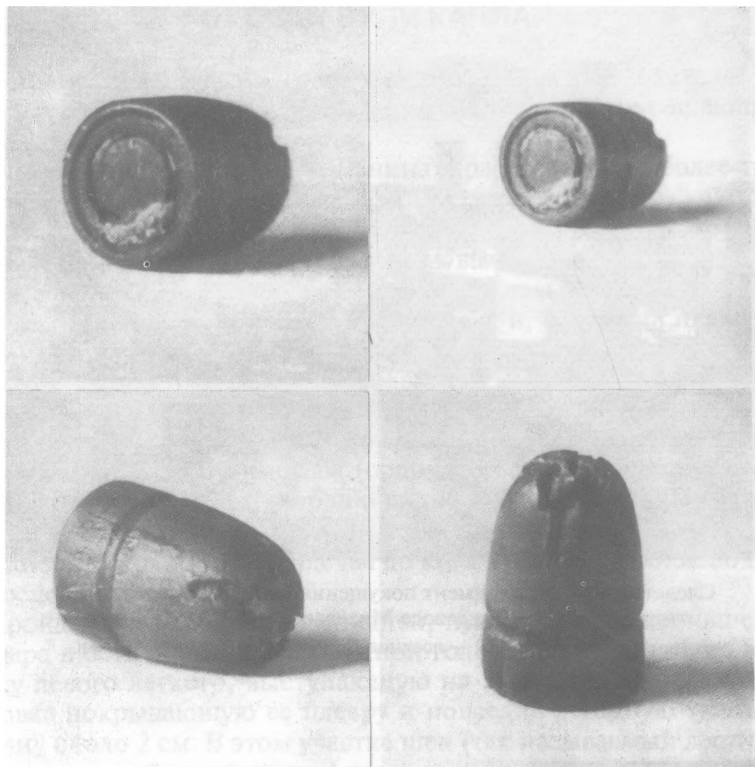
**Следственный эксперимент покушения на В.И.Ленина в 1918 г.
на заводе Михельсона.**

1 — позиция Ленина; 2 — позиция Поповой; 3 — позиция Каплан.

**Рентгенограмма верхнего отдела грудной клетки и шеи Ленина,
сделанная 1 сентября 1918 г.**

**Видно положение пуль: слева — в дельтовидной области,
справа — над правой ключицей.**

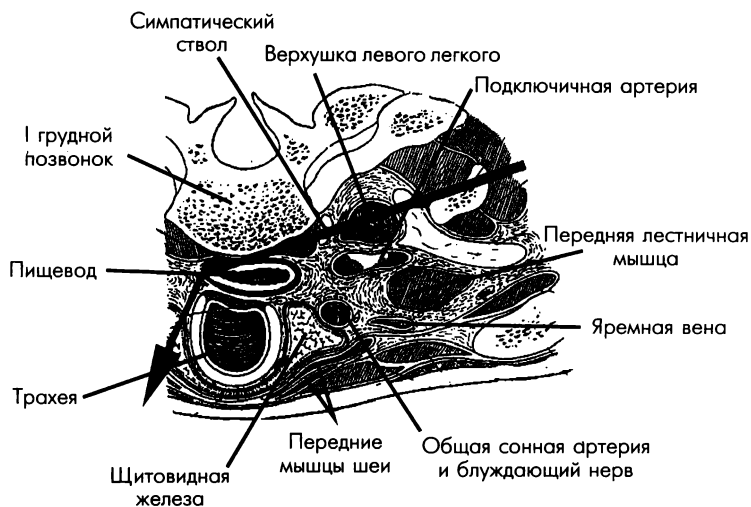

Пуля, извлеченная 23 апреля 1922 г. из правой подключичной области.

Однако уже через полтора года появились явления, связанные с недостаточностью кровоснабжения мозга: головные боли, бессонница, частичная потеря работоспособности.

Удаление пули из шеи в 1922 г., как известно, не принесло облегчения. Подчеркнем, что, по наблюдению В.Н.Розанова, участвовавшего в операции, у В.И.Ленина никаких признаков атеросклероза в то время не было. «Я не помню, чтобы тогда мы отмечали что-либо особенное в смысле склероза, склероз был соответственно возрасту», — вспоминал Розанов.

Все дальнейшие события четко укладываются в картину постепенного сужения левой сонной артерии, что связано с рассасыванием и рубцеванием тканей вокруг нее. Наряду с этим очевидно, что в левой сонной артерии, травмированной пулей, начался и процесс формирования внутрисосудистого тромба, прочно спаянного с внутренней оболочкой в зоне первичного ушиба артериальной стенки. Постепенное увеличение размеров тромба может

Вероятный ход пули через нижнюю часть шеи на поперечном разрезе шеи на уровне I грудного позвонка.

протекать бессимптомно до того момента, пока тромб не перекроет просвет сосуда на 80 процентов, что, по всей видимости, и произошло к началу 1921 г.

Дальнейший ход болезни с периодами улучшений и ухудшений типичен для такого рода осложнений.

Можно полагать, что атеросклероз, который, несомненно, был к этому времени у Ленина, более всего порастил *locus minoris resistentia*, т.е. наиболее уязвимое место — травмированную левую сонную артерию.

С изложенной концепцией согласуется точка зрения одного из известных отечественных невропатологов З.Л.Лурье. «Ни клинические исследования, — пишет он в статье „Болезнь Ленина в свете современного учения о патологии мозгового кровообращения“, — ни аутопсия существенных признаков атеросклероза или каких-либо других патологий со стороны внутренних органов не обнаружили». Поэтому Лурье полагает, что у Ленина «...была сужена левая сонная артерия не вследствие атеросклероза, а из-за стягивающих ее рубцов, оставленных пулей, прошедшей через ткани шеи вблизи артерии при покушении на его жизнь в 1918 году».

Так, пуля, направленная убийцей Каплан в В.И.Ленина, в конце концов достигла своей цели.

3

ПОСЛЕ СМЕРТИ В.И.ЛЕНИНА

Не обращайтесь к идолам и богов литых не
делайте себе.

Библия, Левит, гл. 19.4.

Принято считать, что решение не предавать тело В.И.Ленина земле было обусловлено особыми обстоятельствами. Не было возможности остановить непрерывный поток людей, стремившихся проститься с вождем, лежащим в склепе. При этом упоминают о большом количестве писем с просьбами оставить тело Ленина нетленным, сохранить его на века, сделать его символом новой эры коммунизма [см., например: Б.И.Збарский. Мавзолей Ленина. — М., 1945].

На самом деле все было не совсем так. Письма и телеграммы от партийных ячеек из разных мест страны, судя по официальным документам (например, постановление ЦИК от 24.01.1924 г.), действительно поступали в ЦИК и комиссию Ф.Э.Дзержинского. Но они в основном касались вопросов увековечения памяти В.И.Ленина в архитектурных сооружениях и грандиозных памятниках или же содержали конкретные просьбы разрешить приехать делегациям в Москву от того или иного уезда, района или города, чтобы проститься с В.И.Лениным.

Что касается бальзамирования и длительного сохранения тела Ленина, то такого рода предложений в письмах практически не было. Во всяком случае письма с таким содержанием не обнаружены в архивах (нельзя, однако, полностью исключить и того, что их не сохранили). В комиссии Ф.Э.Дзержинского проблема длительного сохранения тела в первые недели после смерти В.И.Ленина не обсуждалась, однако к критическому периоду весны 1924 г. эта идея неоднократно и тщательно рассматривалась. Можно полагать, что руководство партии хорошо понимало все политические выгоды длительного сохранения тела Ленина в мавзолее как символа международного коммунистического движения. «Через некоторое время, — писал Сталин в 1924 г., — вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина».

Одним из первых ученых, кто сразу после смерти В.И.Ленина

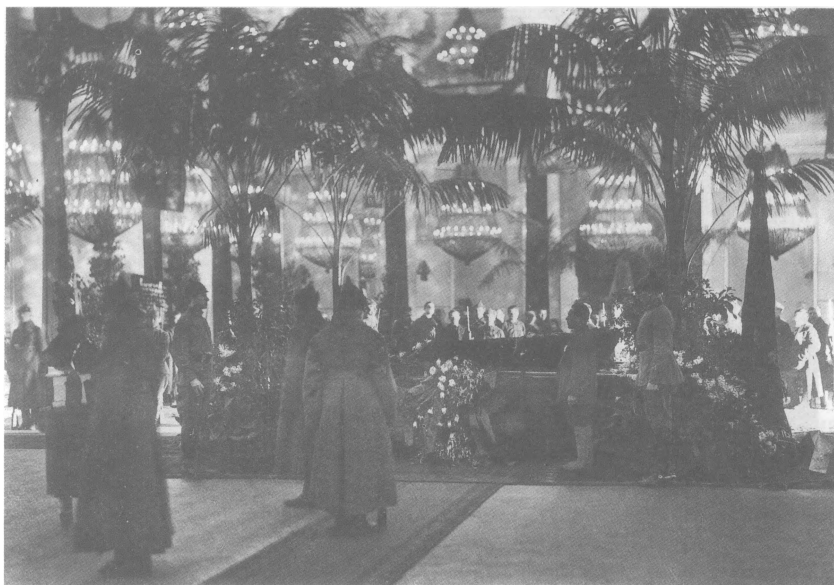

Прощание с Лениным. Колонный зал.
В центре — сестра Ленина Мария Ильинична. 23 января 1924 г.

понял значение бальзамирования его тела, был химик Б.И.Збарский. Будучи далеким от этой проблемы, никогда даже не соприкасавшийся с нею, он самыми энергичными мерами вовлек В.П.Воробьева — харьковского анатома, специалиста действительно грамотного, умелого и опытного в консервации музейного материала — дать свое согласие провести бальзамирование тела Ленина. Более того, в решающие мартовские дни, когда уже было принято решение о замораживании тела и закуплено необходимое оборудование, своими энергичными действиями он сумел отклонить этот достаточно грамотный проект и получить монопольное право на бальзамирование.

ПОХОРОНЫ

23 января 1924 г. в 9 ч утра тело Ленина, одетое в необычный для Владимира Ильича полувоенный френч защитного цвета, с плохо выбритым лицом и стриженной под машинку головой, уложили в гроб. В 9 ч 30 мин на руках вынесли из Большого дома и понесли (мороз — 35 °С) на станцию Герасимовка, что в четырех километрах от Горок. В 11 ч 40 мин гроб поместили в вагон специального траурного поезда, и, сопровождаемый тол-

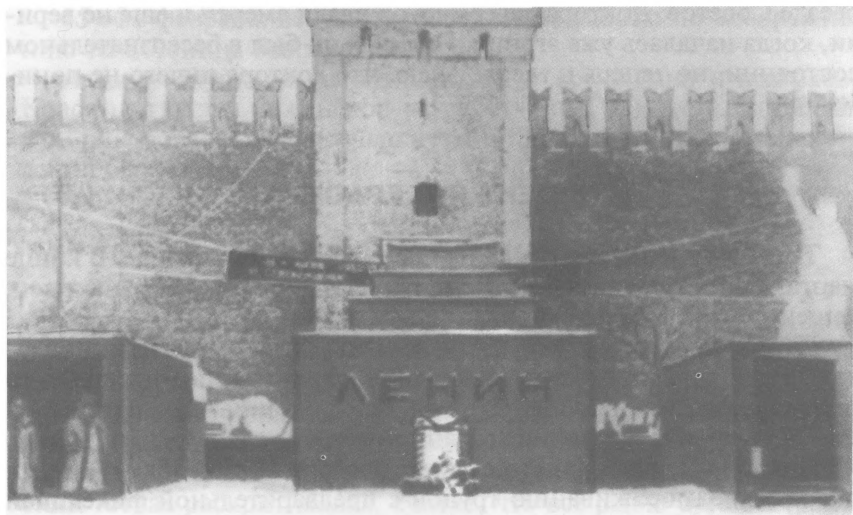
Колонный зал. Прощание с Лениным 23 января 1924 г.

пами народа по всей трассе до Москвы, поезд прибыл на Павелецкий вокзал, откуда его также понесли на руках по улицам Москвы до Колонного зала Дома Союзов. Весь путь от Горок до Колонного зала занял 6 ч.

Огромные толпы людей устремились к центру Москвы. Сплошной поток в две колонны с 7 ч вечера 23 января и до 27 января проходил мимо гроба. В очереди к Колонному залу было не меньше 50 000 человек. Только через почетный караул прошло около 10 000 человек; был возложен 821 венок. С В.И.Лениным прощались рабочие, крестьяне, соратники по партии, иностранные делегации (всего около 500 000 человек). На улицах круглосуточно горели костры. Стояли лютые морозы, в зале температура не поднималась выше — 7 °С.

В президиум ЦИК поступали телеграммы с просьбой дать возможность проститься с В.И.Лениным делегациям из разных мест Советского Союза. 24 января президиум ЦИК решает: гроб с телом Ленина сохранить в склепе, сделав доступным для прощания; склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции.

На Красной площади срочно роют котлован, оттаивая мерзлую землю кострами. Архитектор А.В.Шусев предлагает простую конструкцию склепа: три кубических помещения, в центре куб повы-

Склеп, сооруженный на Красной площади в 1924 г.

ше со ступенчатой крышей, справа и слева, где будут вход и выход, кубы пониже. Склеп едва успевают сделать из дерева к 27 января. Снаружи и внутри склеп задрапировали красной и черной материей, внутри в центре на потолке поместили серп и молот, сшитые из черной материи, от этого символа труда вниз спускались черные полосы на красном фоне.

27 января 1924 г. в 16 ч гроб вынесли из Колонного зала и траурная процессия последовала на Красную площадь. Там уже был сделан постамент, на который поставили гроб. Раздавались гудки паровозов и заводов, был пушечный салют.

«Как раз у въезда на площадь на низком деревянном помосте стоял темно-красный гроб, — вспоминал У.Террачини в январе 1924 г., — он был открыт и наклонен немного вперед. Голова Ленина покоилась на красной подушке. В огромной ледяной тишине раздавалось лишь потрескивание гигантских костров. Около них грелись многие тысячи людей, пришедших из городов и сел, чтобы выплакать свое горе и склониться перед гробом. Каждые десять минут с четырех сторон у гроба сменялся почетный караул».

Наконец, Сталин, Молотов, Калинин и Дзержинский вносят гроб с телом Ленина в склеп.

«Милая, родная моя Инночка, — напишет Н.К.Крупская 28 января 1924 г. Инессе Арманд, — схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о

съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают».

ПРОЕКТ Л.Б.КРАСИНА

Тело Ленина еще долго находилось в холодном склепе. В конце марта, через 56 дней после смерти В.И.Ленина, был, наконец, решен вопрос о бальзамировании.

Первое предложение о длительном сохранении тела Ленина сделал 28 января Л.Д.Красин, инженер по образованию, бывший в то время наркомом внешней торговли. Предложение было принято, и уже 30 января на заседании созданной подкомиссии было поручено профессору Дешину (анатом) и профессору Абрикосову провести опыты по замораживанию трупов с предварительной фиксацией формалином и частичным пропитыванием глицерином.

4 февраля 1924 г. для рассмотрения «...наиболее важных проблем, требующих срочного разрешения и постоянного наблюдения...», создана исполнительная тройка в составе Молотова, Красина, Бонч-Бруевича, которая должна была решить вопрос о дальнейшей судьбе тела Ленина.

7 февраля тройка под председательством В.М.Молотова разрешает Л.Б.Красину закупить необходимое оборудование в Германии и приступить к разработке проекта и сооружению конструкции для замораживания тела Ленина. 14 февраля Дешин и Абрикосов заканчивают опыты по замораживанию двух трупов и сообщают о прекрасных результатах.

Между тем А.И.Абрикосову поручают наблюдать за состоянием тела Ленина.

30 января: Абрикосов считает тело «...вполне сохранившимся, пятно на руке, появившееся от обмороживания во время похорон, вполне рассосалось».

3 февраля: Абрикосов отмечает небольшое отхождение нижней губы и западение глазниц.

8 и 12 февраля: Абрикосов не видит никаких дополнительных изменений на лице и руках Ленина.

14 февраля: Красин сделал обстоятельный доклад на заседании исполнительной тройки о ходе работ по замораживанию и получил полное одобрение.

20 февраля: Красину был передан акт о дополнительных исследованиях Дешина и Абрикосова, проведенных на замороженных ранее трупах с оттаиванием, которое, по их заключению, «может привести к сильным изменениям цвета кожи и появлению бордовых полос по ходу подкожных вен».

15—21 февраля: все подготовительные работы по замораживанию тела Ленина были закончены.

А далее случилось необъяснимое — все усилия и вся работа Красина, группы инженеров-разработчиков, как и опыты Дешина и Абрикосова, были перечеркнуты и проект глубокого замораживания был отвергнут.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Случилось вот что. Л.Б.Красин во что бы то ни стало хотел обсудить с медиками или биохимиками пришедшую ему вскоре после смерти В.И.Ленина идею о глубоком замораживании. Красин был хорошо знаком с Б.И.Збарским — в то время заместителем директора Института химии. В начале февраля Красин приехал к Збарскому и рассказал ему о своей идее, которую Збарский тотчас раскритиковал, считая, что все равно аутолиз (разложение) будет идти и при низких температурах, и кроме того, из-за разности температур внутри саркофага и снаружи стекла всегда будут запотевать. Возражения далеко не корректные, тем более что Красин тотчас нарисовал схему саркофага с двойными стеклами, устраняющими эффект запотевания, а после фиксации формальдегидом и замораживания ферменты, которые «повинны» в аутолизе, как правильно полагал Красин, будут полностью нейтрализованы.

Однако этот разговор стал своеобразным катализатором для Збарского. «С момента беседы с Красиным, — вспоминает Б.И.Збарский, — меня уже не покидала мысль о необходимости принять участие в сохранении тела Ленина. Обдумывая возможности применения того или иного метода, я нередко вспоминал о Воробьеве и думал, что он явился бы чрезвычайно полезным человеком для решения многих вопросов, связанных с сохранением тела Ленина».

Известно, что «на ловца и зверь бежит»: вскоре Б.И.Збарский встретится с В.П.Воробьевым.

В начале февраля в «Известиях» появилось интервью с А.И.Абрикосовым, который заявил, что не существует пока метода, позволяющего надолго сохранить тело Ленина в неизменном состоянии.

Прочитав это интервью в Харькове, В.П.Воробьев в разговоре со своими помощниками по кафедре анатомии сказал, что Абрикосов не прав. «Надо бы поставить некоторые опыты на трупах».

Заведующий отделом медицинского образования Главпрофобра профессор И.О.Жук, узнав об этом, тотчас предложил написать Воробьеву докладную записку. Воробьев категорически отказался, не желая с самого начала принимать участие в бальзамировании

Ленина. Тогда Жук немедленно сообщил о работах Воробьева наркому просвещения Украины — В.П.Затонскому, который без поддержки посылает письмо Дзержинскому, а копию — наркому Семашко. В письме от 20 февраля 1924 г. Затонский сообщает, что у Воробьева на кафедре есть «отлично сохранившиеся мумии прямо в комнате без всякого постоянства температуры в течение 15 лет». Дзержинский распорядился срочно вызвать Воробьева в Москву.

28 февраля в Харьков направляется правительственная телеграмма: «Наркомпросу Затонскому. Постановлением Комиссии срочно направьте профессора Воробьева в Москву. Секретарь ЦИК СССР Енукидзе».

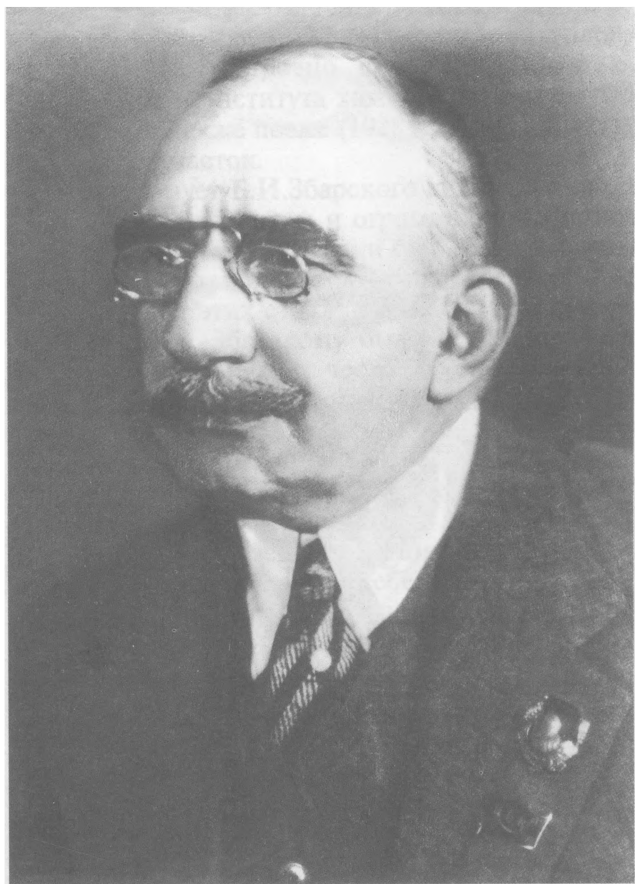
Приехав в Москву, В.П.Воробьев решил остановиться у Б.И.Збарского, с которым был хорошо знаком. Так произошла встреча, изменившая весь уже казалось бы отлаженный ход событий.

В.П.ВОРОБЬЕВ И Б.И.ЗБАРСКИЙ

Оба главных действующих лица — Владимир Петрович Воробьев (в большей степени) и Борис Ильич Збарский — имели в прошлом своеобразные «грехи» перед советской властью.

Во время гражданской войны в 1918—1919 гг. Воробьев, работавший тогда заведующим кафедрой анатомии Харьковского университета, принял участие в расследовании расстрелов белых офицеров войсками Красной армии и ЧК. В Харькове в то время без конца менялись власти: то приходили банды гетмана Скоропадского, то устанавливалась советская власть (январь 1919 г.), то город захватывали деникинцы (июнь 1919 г.). Документ экспертизы о жестоком расстреле белых офицеров был подписан в числе других и В.П.Воробьевым. В сущности это обстоятельство в 1920 г. послужило одной из причин эмиграции Воробьева вместе с сестрой и ее мужем в Болгарию, где он вскоре (20 марта 1920 г.) занял кафедру анатомии Софийского университета. Однако уже через год его потянуло на родину в Харьков. В июне 1921 г. В.П.Воробьев уезжает на конгресс анатомов в Германию и там через советское консульство в Берлине оформляет документы для возвращения домой. Надо думать, что, возвращаясь на родину, в 1921 г., Воробьев был полон тревог и опасений, о чем он и поведал своему случайному попутчику — Б.И.Збарскому, ехавшему с ним на одном пароходе из Штеттина до Риги. Так они познакомились.

Б.И.Збарский высшее образование получил в Женеве, закончив университет в 1911 г., там же он провел свое первое научное исследование в лаборатории крупного русского ученого химика А.Н.Баха — известного народовольца и революционера. Возвра-

В.П.Воробьев.

тившись в Россию в 1912 г., Збарский сдал экзамен в Петербургском университете, получив диплом инженера-химика. В 1912—1915 гг. работал в акционерном обществе «Гарпиус» на канифольно-скипидарном заводе в г.Судоге вместе с Львом Яковлевичем Карповым — известным инженером-химиком, членом большевистской партии. Вскоре, в 1915 г., Б.И.Збарский принимает предложение вдовы миллионера Саввы Морозова (З.Т.Рейбот-Резвой) и занимает должности управляющего крупным имением и директора двух химических и одного железоделательного заводов в Пермской губернии. В 1916 г. получает патент на метод очистки хлороформа, столь нужного России в связи с начавшейся мировой войной. В 1916 г. Збарский вместе с Карповым

Б.И.Збарский.

строят хлороформный завод в районе с.Бондюга недалеко от Елабуги.

Знакомство с Л.Я.Карповым сыграло добрую роль в дальнейшей судьбе Б.И.Збарского. После революции в 1918 г. Збарский переехал в Москву и был принят на работу в отдел химии ВСНХ, который к этому времени возглавлял Л.Я.Карпов.

В 1918 г. в Россию вернулся и академик А.Н.Бах, он был назначен директором Центральной химической лаборатории, преобразованной в дальнейшем в Институт химии.

Лабораторию и институт пришлось организовывать на пустом месте: не было ни помещения, ни оборудования, ни денег. Заместителем директора лаборатории (впоследствии института) вскоре

стал Б.И.Збарский — человек неукротимой энергии с хорошим опытом управленческой работы. Для А.Н.Баха он оказался подлинной находкой. Стараниями Збарского было закуплено необходимое оборудование, построено в 1922 г. новое здание на Воронцовом поле для Института химии, создан новый Институт биохимии (1921 г.), а также позже (1928 г.) и первоклассный полужаводской опытный участок.

Все это характеризует Б.И.Збарского как человека с незаурядным организаторским талантом и огромной «пробивной» силой, если учесть, что в 20-е годы в России был голод и правительство, естественно, не располагало свободными средствами.

К моменту встречи этих столь разных по образованию и жизненному опыту людей Збарскому было 39, а Воробьеву 48 лет. Збарский был полон энергии и честолюбивых планов, Воробьев же, обладавший солидным опытом музейного дела (еще в 1908 г. он написал книгу «К вопросу об устройстве анатомических учебных музеев»), вовсе не стремился иметь дело с органами ЧК и советской власти, будучи настроенным далеко не просоветски. Его вполне устраивала скромная должность заведующего кафедрой анатомии в родном Харьковском медицинском университете.

И все-таки нельзя представить себе лучшего сочетания столь разных людей для предстоящего дела: с одной стороны, великолепный мастер бальзамирования, с другой — блестящий организатор, отлично ориентирующийся в советской и партийной иерархии 20-х годов.

МАРТОВСКИЕ ДИСКУССИИ

В Москве наступила весна. Сильные морозы, стоявшие в феврале и марте, ослабели, что грозило быстрому высыханию и гниению тела Ленина. Энергично шли работы по сооружению холодильной установки по проекту Л.Б.Красина. Между тем, так удачно встретив В.П.Воробьева, Б.И.Збарский свою задачу видел в том, чтобы, во-первых, убедить Воробьева согласиться провести бальзамирование тела Ленина влажным способом, оправдавшим себя, как это хорошо знал Б.И.Збарский, в музейном деле, и, во-вторых, устами авторитетного В.П.Воробьева дискредитировать идею Красина, казавшуюся Збарскому ненужной и нереальной. «Мой Вам совет, — возражал Воробьев, — бросьте Вы эту мысль, а если Вы в это дело впутаетесь, Вы погибнете». «Я не хочу уподобиться тем алхимикам, которые согласились забальзамировать тело папы Александра VI, — продолжал он, — выудили деньги, загубили тело и скрылись как последние жулики». — «А зачем же Вы тогда приехали?» — «Меня вызвали, а сам я ничего не предлагал».

3 марта В.П.Воробьев пригласил Збарского в склеп осмотреть тело Ленина. Состояние лица изрядно напугало Воробьева: на лбу и темени были видны темно-бурые пятна, глазницы глубоко запади. Воробьев твердо решил ни в коем случае не предлагать своих услуг.

Во второй половине этого же дня В.П.Воробьев был приглашен на совещание к наркому здравоохранения Н.А.Семашко. На совещании Воробьев предложил паллиативные меры: покрыть вазелином лицо и кисти рук, чтобы затормозить процесс высыхания и попытаться через кровеносные сосуды подлить балъзамирующую жидкость в тело. «Замораживание же, — заявил он, выполняя, видимо, обещание, данное Збарскому, — нежелательно, так как оно может ничего не дать и грозит разрывом тканей».

На этом совещании А.П.Савельев предложил сохранять тело в атмосфере азота в сочетании с охлаждением. Анатом П.И.Карузин считал необходимым немедленно извлечь внутренности и вставить в глазницы протезы. Предложение Савельева ввести в места западений масло какао не встретило одобрения.

Поздно вечером этого же дня (3 марта) Б.И.Збарский у себя дома пытался убедить В.П.Воробьева согласиться на балъзамирование тела Ленина. «Вы сумасшедший, — ответил Воробьев, — и можете себе ломать голову, если хотите. Что же касается меня, то об этом даже и речи не может быть. Я ни в коем случае на такое явно рискованное и безнадежное дело не пойду, а стать посмешищем среди ученых для меня неприемлемо. С другой стороны, Вы забываете мое прошлое, которое большевики вспомнят, если будет неудача».

На следующий день Воробьева пригласили на большое совещание в Кремле. На это же совещание был приглашен и Збарский, очевидно, по предложению Красина, который, естественно, рассчитывал на поддержку Збарского своей идеи замораживания тела. Совещание вел Ф.Э.Дзержинский, на нем присутствовали В.П.Молотов, Л.Б.Красин, А.С.Енукидзе и ученые-медики: Абрикосов, Вейсброд, Дешин, Карузин, Розанов, Савельев и упомянутые ранее Воробьев и Збарский.

Первый вопрос, который задал Дзержинский: «Есть ли на теле Ленина уже непоправимые изменения?» «Безусловно, — отвечал Вейсброд, — они касаются пигментации носа, потемнения кожи в месте распила черепа, западения глазниц, заострений ушей и потемнения правого уха». «Что это, — пытался уточнить Дзержинский, — признаки разложения или усыхания?»

В.П.Воробьев высказал предположение, что речь идет прежде всего о высыхании «от химических и физических причин». Дзержинский просит сообщить мнение ученых о замораживании тела. «Здесь замораживание отвергается. Это единогласное мне-

ние и в этом отношении сомнений нет никаких?» — спрашивает он.

Воробьев отвечал односложно, будто отмахиваясь: «Да, — и продолжил, — тело обречено на высыхание и искажение. Его можно сохранить, только полностью погрузив в бальзамирующую жидкость. При этом, — добавил он, — эти изменения будут заметны только для тех, кто его близко знал, но для тех лиц, которые будут приезжать из дальних областей, облик его сохранится настолько, что они всегда узнают знакомое им лицо Владимира Ильича. Для этого, — предлагает Воробьев, — надо сделать сосуд из металла благородного, из серебра или из стекла, сверху прикрыть крышкой, сделанной из зеркального стекла и погрузить туда тело Ленина».

В.Н.Розанов тотчас реагирует на это убийственной репликой: «Что же, мы должны сохранять тело в коробке, в ванне или в банке? А эстетично ли это?»

Далее обсуждалась проблема сохранения тела в атмосфере азота, предлагаемая и горячо отстаиваемая Савельевым. Эта в целом весьма разумная идея (по крайней мере, с позиции приостановки окисления жира, которое неизбежно происходит при доступе кислорода) встречает, однако, возражения Л.Б.Красина. Красин, ссылаясь на инженерный опыт, полагает, что вытеснение воздуха из саркофага и замена его азотом — проблема технически весьма сложная. Кроме того, ведь в теле все равно будут идти анаэробные процессы, в том числе процессы под действием микроорганизмов, будут протекать также различные восстановительные реакции.

Наконец, Красин выступает с предложением о замораживании. Ему тотчас возражает Вейсброд: «Но ведь товарищи определенно высказываются, что наступит разрыв тканей и клеток и это может изменить очертания». Сдерживая раздражение, Красин спрашивает его: «В момент замораживания или в связи с последующим оттаиванием?» Ответ: «В самый момент замораживания». Красин взрывается: «Я не совсем уясняю себе последнее возражение. Опыты с замораживанием трупов в анатомическом театре установили, да и вообще нам известно, что замороженные трупы человека внешне отличий особенно сильных не имеют. Что будет дальше в результате оттаивания? Тут можно опасаться больших изменений. Но само замораживание при условии, что дальше температура остается неизменной, как будто больших изменений, вроде разрыва тканей и сосудов, которые меняли бы форму лица, не производит». Воробьев, внимательно его слушавший, неожиданно поддерживает: «Да, при температуре минус 10—12 °С тело не будет изменяться». Казалось бы, чего еще искать! Лучше, чем предложение Л.Б.Красина, найти трудно. Однако Ф.Э.Дзержинский осторожен: «Это вопрос, который

подлежит более детальному обсуждению. Нужно его еще проработать».

Принятое решение весьма «скромное»: надо удалить внутренности, лицо покрыть вазелином, а если необходимо, укрепить отвисающую челюсть. Что касается введения в ткани масел или помещение тела в атмосферу азота, то с этим надо подождать.

«Думаю, — без энтузиазма заключил Дзержинский, — на этом совещание с профессорами закончим». Все повисло в воздухе, окончательного решения еще не было.

ПОСЛЕДНИЕ ДИСКУССИИ

10 марта 1924 г. было решено тщательно осмотреть тело В.И.Ленина. Спустившиеся в склеп ученые Абрикосов, Воробьев, Дешин, Вейсброд и Савельев зафиксировали основные изменения: багровые пятна на коже правой лобной области, раскрытые глазные щели, деформация глазных яблок, заострение носа, подтягивание крыльев носа. К этому времени было заметно значительное расширение ротовой щели, так что стали видны резцовые зубы, а на щеках образовались складки. Конечные фаланги пальцев стали темными, пергаментными. Мало этого, на теле вдоль подкожных вен появились багровые полосы и зеленые пятна. Во время осмотра тела Карузин насыпал в брюшную полость килограмм поваренной соли, а Савельев, никого не спрашивая, с помощью шприца ввел в губы бергамотовое масло. После осмотра тела комиссия долго и тщательно составляла протокол. Снова обсуждали, что делать. Может быть, действительно следует тело заморозить? Сошлись все на том, что максимум тело можно сохранить один-два месяца, а затем его надо предать земле.

12 марта сделана еще одна попытка найти решение. Л.Б.Красин собирает на совещание медицинскую комиссию и приглашает принять участие в дискуссии известного ленинградского патологоанатома Г.В.Шора, который разработал метод изготовления анатомических препаратов с применением глицерина. Это совещание, полное недоговоренностей, осторожных формулировок и пессимизма, стоит того, чтобы о нем рассказать подробно.

На вопрос «что же делать?» Шор предлагает прежде всего уменьшить воздушное пространство над телом, чтобы меньше было высыхание. Шор убежден в том, что и в бальзамирующей жидкости тело не удастся сохранить, так как одежда даст окрашивание». «Так что я думаю, — резюмировал он, — что от сохранения в жидкости придется совершенно отказаться, это является нецелесообразным». Затем вдруг Шор предлагает лакировать кожу лица для разглаживания морщин, как это делается косметологами, тело

же «в таком виде, в каком оно находится сейчас, может быть сохранено еще максимум на 3—4 месяца». А чтобы вид тела был лучше, Шор предлагает бесцветные стекла в крышке гроба заменить на розовые.

А.И.Абрикосов пытался осторожно поддержать уважаемого Шора: «Вопрос ставится так, что, может быть, у нас имеется средство, которое даст профессор Шор, а именно обеззараживание с последующим применением глицерина, и в таком случае тело может быть сохранено». Шор упорно ищет возражения: «Да, у нас хорошие результаты, но не для кожи: тут без пигментации не обойдется. Так что я лично как автор этого способа сказал бы, что в данном случае он неприемлем». Красин пытается уточнить: «Вы опасаетесь изменения цвета кожи?» «Да, но и усыхание возможно», — отвечает Шор.

Красин как инженер грамотно объясняет Г.В.Шору, что уменьшение закрытого пространства над телом для установления водного равновесия, особенно при низких температурах, не имеет большого значения. «У меня нет справочной книжки Хита под рукой, — говорит он, — но я могу Вас уверить, что речь идет тут лишь о нескольких кубических сантиметрах».

Прямойлинейный Савельев не выдерживает и грубо спрашивает Шора: «Вы чего, собственно, боитесь?» Шор вновь говорит об усыхании и изменении цвета кожа: «Просто она делается багровой и имеет вид высохшей кожи».

Красин пытается в наилучшем виде представить способ Шора: «Погружение тела в ванну и держание его в жидкости с постоянно возрастающей концентрацией спирта, а затем введение глицерина и оставление на несколько месяцев в такой жидкости, по всей вероятности, гарантирует нам, что по истечении определенного числа месяцев мы будем иметь возможность вынуть тело из этой жидкости и открыть доступ к нему для обозрения».

Ответ Шора: «Я думаю, что это не выйдет». На все вопросы Шор упорно твердит об изменении цвета кожи, которая станет пергаментной и более коричневой. «Если употреблять формалин, — утверждает он, — то он всегда дает бурый цвет». И далее: «Вероятнее всего, появление этих пятен можно объяснить влиянием формалина от сернистых газов, соединенных с кровавыми пигментами».

Туманные ответы Шора в конце концов вынуждают В.П.Воробьева выступить с подробной программой действий. Воробьев, судя по всему, изменил обычной своей осторожности. «Поскольку, — говорит он, — имеется предоставленный трехмесячный срок, необходимо обработать тело тремя способами: ввести балансирующую жидкость через оставшиеся сосуды, погрузить тело в жидкость, а в труднодоступные места ввести раствор путем инъекций». «Затем, — утверждает он, — я убежден, что глицерин не

ухудшит цвет лица Владимира Ильича. Также возможно будет в дальнейшем применять и цветное освещение, то есть цвет лампочек. Поскольку голова находится еще в таком состоянии, которое допускает поправление, то способ Шора в настоящее время должен быть применен», — заключает Воробьев.

А.А.Дешин спрашивает его: «А что же надо делать конкретно?» Воробьев излагает по сути готовую программу, в которую он уже и сам верит безусловно. «Вынуть тело — раз, удалить всю жидкость — два, подвергнуть тщательной прочистке все тело, промыть, если это возможно, все сосуды, кроме сосудов головы, чтобы удалить отовсюду кровь, заменить эту жидкость, которая в данный момент там находится, спиртами, удалить предварительно хлористый цинк, вычистить тщательно внутренние органы, а по отношению к глицерину применить способ препарирования глицерином».

Эта программа воодушевила даже Шора: «Нельзя брать сразу глицерин, — замечает он, — а сначала более слабый раствор. Все места, где замечено гниение, надо обработать формалином, частично удалить их, заменив марлей». Осторожный Дешин предлагает скромные меры: «Где немного впрыснуть, где немного помазать, где ввести формалин, но если все это будет недостаточно, то остается единственный способ — заморозить». Красин тут же спрашивает: «Профессор Шор, по поводу замораживания Вы не считаете возможным высказаться?» Шор: «Мне трудно».

В заключение все согласились с Л.Б.Красиным, что такого метода бальзамирования, который обеспечил бы сохранение тела Владимира Ильича в его теперешнем состоянии на неопределенно долгий срок, по-видимому, не имеется.

В этот же день другая более высокая инстанция — исполнительная тройка под председательством В.М.Молотова — приняла решение: «Признать необходимым немедленно приступить к обработке тела Ленина жидкостями по методу сохранения естественной окраски тела, разработанному профессором Шором». Однако и это решение осталось только на бумаге.

ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА

Домашний анализ итогов последних совещаний, о которых Воробьев подробно рассказал Збарскому, убедил последнего по крайней мере в том, что, во-первых, никакого определенного решения правительственной комиссии по сохранению тела Ленина еще нет, во-вторых, Воробьев за время дискуссий постепенно преисполнился уверенностью, что он все-таки лучше других понимает дело и вполне справился бы с бальзамированием, в-третьих, эту проблему надо решать немедленно, так как в

теле скоро наступят совсем уже необратимые изменения и оно будет погребено.

Однако ведь уже есть решение Молотова о закупке оборудования и создании условий для глубокого замораживания тела Ленина в соответствии с предложениями Красина! Более того, работы в Сенатской башне уже начались. Вот тогда-то у Збарского и возник совершенно необычный план, который он блестяще исполнил.

Перед самым отъездом Воробьева в Харьков 12 марта Збарский уговаривает того написать письмо ему, Збарскому, задним числом, под его диктовку. Збарский объясняет нерешительному Воробьеву: «Такое письмо позволит сделать предложение «от нашего общего имени», конечно, оговорив, что это будет только попытка». «Кроме того, — вспоминает Б.И.Збарский, — я ему обещал, что я договорюсь, в случае если это дело будет поручено, что оно будет сохранено в полной тайне. Таким образом, как будто бы большого риска нет, а главное нет опасности, что нас «затюкают», чего особенно боялся Воробьев».

Вот основные выдержки из текста этого необычного письма:
«Москва, 11 марта.

Дорогой Борис Ильич!

Теперь я уезжаю с убеждением — волянка будет тянуться дальше, что решительных мер принято не будет и что все дело скоро окончится, так как лицо уже теперь землистое, скоро почернеет, а там и высохнет, что показывать покойника публике будет невозможно. Если будете в комиссии, продолжайте настаивать на методике обработки жидкостями». А уж чтобы окончательно выбить почву из-под Красина, Збарский диктует фразу: «Кстати сказать, против замораживания, основываясь на литературных данных, абсолютно все члены комиссии».

«Нечего и говорить, — вспоминает Збарский, — с каким трудом он (Воробьев) вымучивал каждую фразу этого письма, боясь, чтобы я это не мог использовать как его определенное предложение взять на себя эту работу». Збарский тотчас забрал письмо из рук Воробьева, боясь, что он может еще передумать, и тут же убедил написать второе письмо на имя Красина.

Это письмо звучит несколько иначе: «...при всех условиях, даже при последующем замораживании (подчеркнуто мною. — Ю.Л.) необходимо погружение тела в жидкости для пропитывания, так как это единственный способ, в комбинации с инъекциями и другими манипуляциями, который остановит процесс».

На следующий день, 13 марта, Б.И.Збарский передал письмо В.П.Воробьева в секретариат Красина. Сам же он решил сыграть ва-банк, обратившись лично к Ф.Э.Дзержинскому, который должен выступить в роли «козырного туза». Вечером, 13 марта, Збарский отправился на квартиру к П.А.Богданову (председатель ВСНХ РСФСР, который хорошо знал Збарского по работе Хими-

ческого института), и обратился с просьбой устроить ему аудиенцию у Дзержинского, занимавшему в это время пост председателя ВСНХ СССР. Богданов тотчас позвонил Дзержинскому и тот, будучи больным ангиной, назначил Збарскому свидание в субботу, 14 марта, у себя на квартире в Кремле в 10 ч утра.

В назначенный час Збарский был у Дзержинского. Збарский прекрасно продумал сценарий всего разговора. Он спросил Дзержинского, есть ли решение о захоронении тела Ленина и, получив неопределенный ответ, заявил: «Мы готовы спасти тело». На вопрос Дзержинского «Кто это мы?» — Збарский твердо ответил: «Я и Воробьев». Дзержинский вначале был озадачен, но, подумав, сказал: «Вы знаете, мне это нравится. Все-таки значит есть люди, которые могут взять на себя это дело и рискнуть». Затем Збарский дал прочитать Дзержинскому письмо Воробьева, которое, видимо, окончательно убедило Дзержинского принять предложение своего необычного гостя. Своей смелостью (или дерзостью) Збарский расположил Дзержинского, который повел с ним разговор далее в дружеском тоне, заметив: «Я один, конечно, не могу принять никакого решения и доложу об этом правительству. Я полагаю, что Ваше предложение будет принято, и с моей стороны Вы встретите всякое содействие и помощь в столь трудной работе». Збарский понял, что он окончательно выиграл дело, его уже не смутило малоприятное предложение Дзержинского: «Я советую Вам сейчас же повидаться с Красиным, так как неудобно, что Вы, будучи знакомым с ним, обратились не к нему, а прямо ко мне».

Тут же Дзержинский позвонил Красину и просил незамедлительно принять Збарского. Можно представить себе, как был расстроен и взбудоражен Красин. Он принял Збарского стоя, не подав ему руки: «Что Вы там надумали с Воробьевым? Ваш Воробьев — баба, он выступал на совещаниях, ничего конкретного не предлагая, а больше критикуя другие предложения. Вы же совсем набрали в рот воды и даже не произнесли ни одного слова. Между тем, Вы больше других понимаете, что замораживание должно дать свои результаты. Я с Вами разговаривал больше месяца назад об этом и мог надеяться, что Вы за это время обдумаете мое предложение и поддержите его. А теперь Вы прибежали с каким-то неконкретным предложением. Скажите мне, что Вы собираетесь делать?»

Збарский оправдывался тем, что все равно уже решено тело похоронить, а если ничего и не получится, то не все ли равно, похоронить сегодня или одним-двумя месяцами позже. Красин же был оскорблен тем, что за его спиной его «обошли» и на вопрос: «Что Вы собственно теперь от меня хотите?» Збарский, чувствуя свою неуязвимость, пренебрегая вежливостью, заявил «Меня к Вам направил Дзержинский, а я, собственно, от Вас ничего не хочу».

На следующий день, в воскресенье, Збарский позвонил Воробьеву в Харьков, сообщив ему, что «...дело окончательно решено и нам, — подчеркнул он, — будет поручена эта работа» и «обратного хода уже нет». Расстроенный Воробьев сказал: «Вы и себя, и меня погубите».

Самое любопытное было то, что 14 же марта, когда Б.И.Збарский завершил свой визит к Ф.Э.Дзержинскому, а потом и к Л.Б.Красину, состоялось заседание «тройки» во главе с В.М.Молотовым. Там были полностью одобрены предложение Красина и все инженерные решения этого проекта. В постановлении было сказано: «1. Приступить немедленно к детальной разработке и осуществлению сохранения тела В.И.Ленина при низких температурах. 2. Утвердить проект стеклянного саркофага, представленный Мельниковым». Более того, намечен даже срок исполнения — шесть недель.

Однако Збарский своим неожиданным ходом полностью заблокировал эту в целом вполне обоснованную и грамотную идею.

Красину ничего не оставалось, как немедленно отправиться в Харьков и самому познакомиться с музеем и всем, чем располагал Воробьев. «Что Вы предлагаете по сохранению тела Ленина?» — спросил Воробьева Красин в Харькове. «Я ничего не предлагаю и думаю, что Збарский никаких в этом смысле заявлений не делал», — ответил Воробьев. «Тогда не понятно, почему Збарский от своего и Вашего имени сделал такое заявление. Правильно ли я Вас понимаю, — продолжал Красин, — что Вы хотите иметь официальное предложение от Комиссии и тогда Вы дадите ответ». «Совершенно правильно», — ответил Воробьев. Красин передал через наркома здравоохранения Украины письмо Воробьеву с предложением принять участие в работе по сохранению тела В.И.Ленина. «В случае Вашего согласия, — написал Красин, — прошу Вас меня об этом известить, а также о сроках, когда Вы могли бы приступить к этой работе». Это было 17 марта 1924 г.

Воробьев написал ответ Красину 18 марта: «Сочту долгом предложение принять. Убежден, что предлагаемый метод погружения в жидкость является единственным из безопасных и что другого метода столь достоверного для дальнейшего сохранения тела в данное время нет. После четырехмесячной обработки тело уже изменившее форму и окраску, может быть не менее, чем в настоящее время, пригодно для обозрения, и что происходящие процессы разложения и усыхания прекратятся».

В письме Воробьев оговаривает свои условия: производить необходимые разрезы на теле, инъекции и те манипуляции, которые будут необходимы; право выбора сотрудников и просьбу об осмотре членами исполнительной тройки тела до начала работы.

Письмо В.П.Воробьева нарком здравоохранения Украины Гуревич передал Л.Б.Красину, присовокупив свое мнение на этот

счет: «Я знаю профессора Воробьева как лучшего в составе техника и практика в деле консервации трупов. Он буквально художник в этой области. Если кто-нибудь еще может спасти положение, так это безусловно он и только он».

21 марта 1924 г. Ф.Э.Дзержинский от имени комиссии ЦИК СССР по организации похорон В.И.Ленина направляет В.П.Воробьеву письмо:

«Комиссия предлагает Вам, Владимир Петрович, принять необходимые меры для возможно длительного сохранения тела в том виде, в каком оно находится ныне. Комиссия предоставляет Вам право в выборе сотрудников и применения тех мер, какие Вы найдете нужными».

Между тем в течение этого времени на теле возникали все бóльшие и бóльшие изменения. 15 марта Б.С.Вейсброд и В.Н.Розанов констатируют увеличение бурого пятна на лбу; 17 марта А.П.Савельев отмечает усыхание кончика носа, появление асимметричного оскала; 20 марта Вейсброд и Розанов отмечают увеличение почти вдвое размера бурого пятна на лбу, расхождение губ, потемнение ушной раковины и т.д.

Утром 25 марта 1924 г. В.П.Воробьев приехал в Москву вместе с прозектором А.Л.Шабадашем и окулистом Я.Г.Замковским. Все они поселились в гостинице недалеко от Красной площади. В этот же день Воробьев навещает Збарского, которого вновь упрекает за то, что он «втащил его в это дело», и просит помочь написать письмо в комиссию ЦИК СССР, в котором еще раз оговорить все условия предстоящей работы. Среди постоянных сотрудников В.П.Воробьев назвал проф. П.И.Карузину (анатом), проф. Б.И.Збарского (биохимик), доктора А.Л.Шабадаша (прозектор анатомического театра), доктора А.Н.Журавлева и доктора Я.Г.Замковского. Воробьев просил также до начала работы составить детальное описание состояния тела с занесением в протокол цвета кожных покровов. Максимальный срок полного окончания работы он определил в четыре месяца, начало работ предположительно в среду 26 марта 1924 г.

«В результате работ, — говорится в заключение, — рассчитываю на сохранение тела по меньшей мере в том виде, в каком оно находится ныне, и убежден, что процесс высыхания и изменения формы, наблюдаемые сейчас, прекратятся на длительное время. В.П.Воробьев».

4

БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ

И ублажил я мертвых, которые давно умерли.

Книга Екклезиаста гл. 4,2.

Если бы не отчаянный демарш Б.И.Збарского, тело В.И.Ленина, несомненно, вскоре было бы захоронено. Посмертные изменения тканей тела, особенно лица и кистей рук к концу марта достигли критической точки. Красин явно опаздывал с монтажом установки для глубокого замораживания тела, хотя в Сенатской башне Кремля уже полным ходом шли работы. Впрочем, Красин уже и сам пришел к выводу, что одно только замораживание тела в условиях, когда любая случайность, вполне возможная в то время, может привести к размораживанию тканей с последующей безвозвратной их порчей. Видимо, и правительственная комиссия Ф.Э.Дзержинского смирилась с неизбежностью предания тела Ленина земле.

Н.К.Крупская, сестры и брат В.И.Ленина, настроенные против бальзамирования, по существу были отстранены от решения дальнейшей судьбы тела Ленина, хотя вскоре после смерти Владимира Ильича Н.И.Бухарин был уполномочен переговорить с Надеждой Константиновной о возможности недолгой отсрочки (в пределах месяца) похорон Ленина. Н.К.Крупская же в принципе не одобряла попыток даже временного сохранения тела Ленина.

«Большая у меня просьба к вам, — писала Н.К.Крупская на девятый день после смерти Ленина, — не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т.д., всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим».

Однако никто не услышал слов вдовы покойного. В конце марта 1924 г. было начато бальзамирование останков В.И.Ленина, отсрочив его похороны на долгие, долгие годы.

РАБОТА В СКЛЕПЕ

Б.И.Збарский, приступая к бальзамированию, скорее всего рассуждал как Наполеон: «On s'engage et puis... on voit» («сначала надо ввязаться в бой... а там будет видно»). В.П.Воробьев же, хотя

и втянутый в это предприятие поневоле, хотя и не был вполне уверен в успехе, имел уже к этому времени собственный хорошо обдуманный план, который достаточно четко прослеживался в его последних выступлениях на комиссиях Дзержинского и Красина.

Напомню, что план этот состоял из трех главных пунктов. Первый — прежде всего пропитать все тело формалином. Формальдегид в то время (да и сейчас) считался лучшим фиксатором, превращающим белки, в том числе ферменты, в прочные стабильные соединения (полимеры), которые предупреждают аутолиз; формальдегид же — и сильное дезинфицирующее вещество, убивающее практически все микроорганизмы и большую часть грибов и плесеней. Во-вторых, надо каким-то путем обесцветить бурые пятна, которые сильно портят внешний вид лица и кистей рук. Испытанным в музейном деле средством является перекись водорода, хорошо отбеливающая анатомические препараты. Наконец, в-третьих, надо полностью пропитать все тело водными растворами глицерина и ацетата калия так, чтобы ткани не теряли влагу и находились в водном равновесии с окружающей средой, точно так же, как сделанные Воробьевым непортящиеся анатомические препараты (конечности, части органов и т.п.), которые вот уже много лет хранятся на открытом воздухе.

Применение глицерина для бальзамирования было предложено в 1867 г. швейцарским ученым Лясковским, а ацетат калия входит в рецептуру многих способов бальзамирования (Пика, Кайзерлинга, Граумитца, Томаса, Шора, Мельникова-Разведенкова). Правда, не совсем понятен был механизм действия ацетата калия, хотя известно, что он, как и глицерин, весьма гигроскопичен, т.е. способен удерживать влагу. Впрочем, некоторые пункты плана оставались не вполне ясными. Каково должно быть оптимальное соотношение глицерина и ацетата калия? Каким образом можно полностью пропитать все ткани бальзамирующими растворами? Ведь можно полагать, что сосудистая система уже не годится для внутриаrтериальных инъекций. Остаются, как полагал В.П.Воробьев, путь местных аппликаций, погружение всего тела в ванну с раствором и локальные введения в ткани растворов с помощью шприцев с иглами. Что касается утраченных за время нахождения тела на воздухе объемов (уши, нос, губы), то пока об этом думать рано. Может быть, само насыщение тканей растворами исправит положение.

В полдень 26 марта 1924 г. комиссия экспертов в соответствии с пожеланиями В.П.Воробьева спустилась в траурный зал склепа и приступила к тщательному осмотру тела В.И.Ленина, снятого с постамента на стол, чтобы составить максимально полный и точный перечень и описание всех имевшихся особенностей и дефектов. Воробьев придавал этому акту величайшее значение: ведь он обещал только задержать дальнейшее ухудшение состояния тела и

уж никак не улучшение (что, впрочем, в душе и не исключал). Назначенные эксперты — Вейсброд и Розанов, — с одной стороны, и исполнители — Воробьев и Збарский, — с другой, естественно, искали точные формулировки, нередко вступая в нелицеприятные споры.

Для оценки и регистрации цвета кожи Б.И.Збарский пригласил архитектора А.Л.Пастернака — сына известного художника и брата писателя — будущего нобелевского лауреата, с которым Збарский был давно знаком (еще в 1916 г. Борис Пастернак гостил у Збарских на Каме, что нашло отражение в его повестях «Люверс» и «Повесть»). На кусках ватмана Пастернак тщательно выполнил акварелью девять образцов цвета различных участков кожи тела Ленина.

Изменения, которые были отражены в акте, поистине удручающие: лобные бугры стали бурыми, покрытыми неровной пергаментного вида кожей. На месте распила костей черепа заметно вдавление кожи и ее потемнение. Отмечено усыхание носа, ушных раковин, расхождение глазной и особенно ротовой щели. Рот открылся в среднем на 4 мм, слева даже на 6 мм. Появились складки на шее. Особенно пострадали кисти рук — усохли концевые фаланги пальцев, они стали темно-бурыми. Некоторые фаланги размягчены. Большие участки размягчения (из-за отсутствия фиксации тканей) отмечены на бедрах, голених, кистях рук, предплечьях. Упомянуты также пятна на теле — зеленого цвета, явно гнилостного происхождения. Словом, состояние было тяжелым, что в заключении определено как «...посмертные изменения в виде усыхания и размягчения частей тела, резкие изменения окраски».

К вечеру Воробьев, Збарский и Шабаш остались в холодном [$-2,5^{\circ}$ по Реомюру (около 0°C)], неуютном склепе одни. Надо было начинать работу. Прежде всего следовало расшить все наложенные ранее шпагатные швы на голове и по срединной линии тела, осмотреть полости, определить зоны и места размягчения и приступить к первым неотложным мерам — фиксации всех тканей формалином. Воробьев, сняв пиджак и надев халат, глядя на оробевшего Збарского, которому не приходилось еще соприкасаться с трупами, в сердцах заметил: «Вот, я так и знал! Вы были главным заводилой и втащили меня в это дело, а теперь ведете себя недогадой. Извольте все с нами делать вместе».

В этот вечер решено было наложить на лицо, кисти рук и на переднюю поверхность тела вату, смоченную в однопроцентном растворе формальдегида. Общий план дальнейших действий определялся анализом состояния тела. Было по крайней мере ясно, что надо начинать с фиксации тела формальдегидом. Пути введения формальдегида, как ранее определял Воробьев, возможны через сохранившиеся артерии, инъекции иглами и, наконец, путем погружения тела в ванну, наполненную формалином с

предварительно сделанными надрезами кожи в слабофиксированных или труднодоступных зонах.

Повреждения тканей тела, в частности его усыхание, произошли, как полагал В.П.Воробьев, в связи с недостаточным содержанием глицерина в бальзамирующей жидкости, которую применил А.И.Абрикосов. Другие изменения явились результатом замораживания тела при его переносе из Горок на станцию Герасимовка, затем частичным оттаиванием в Колонном зале (там температура поднималась до 5—10 °С) и весенними колебаниями температуры во время пребывания тела в склепе. Похоже, однако, что как раз холодные зима и весна и спасли тело от полной гибели к марту. Впрочем один дефект имел явное происхождение «от мороза» — повреждение кожи правого уха, примерзшего к стенке цинкового гроба.

К счастью, все организационные проблемы, которые взял на себя Б.И.Збарский, решались быстро и оперативно, с помощью Ф.Э.Дзержинского, в ту пору обладавшего огромной властью. Все необходимые для работы инструменты, приборы и реактивы доставлялись незамедлительно. Была срочно изготовлена деревянная ванна, которая, несмотря на покрытие ее изнутри парафином, сильно протекала, в связи с чем на заводе «Каучук» сделали другую — резиновую. Отдельно для кистей рук были изготовлены большие резиновые перчатки, а для головы — закрытый цилиндр с отверстием на боковой стороне.

27 марта 1924 г. была увеличена концентрация формальдегида — с одного до двух процентов — для обкладки тела смоченной в формалине ватой. Полости тела (брюшную и тазовую) промыли уксусной кислотой. Начали инъектировать раствор формалина в места, где на ощупь определялись размягчения тканей. Решено было повысить температуру в склепе с 3 до 15—16 °С, т.е. приблизить ее к условиям обычного сохранения музейного материала. В склепе были установлены электрические плитки. Воробьев, Збарский и их помощники не покидали склеп ни днем, ни ночью, опасаясь больших перепадов температуры воздуха; мало спали, питались всухомятку. Узнав об этом, Дзержинский распорядился, чтобы к склепу подвели трамвайные рельсы и поставили вагон со всеми бытовыми удобствами.

31 марта 1924 г. было решено произвести погружение всего тела в ванну с трехпроцентным раствором формальдегида. В это же время наладили местные, отдельные «ванны» для рук и головы. На руки надевали перчатки, которые фиксировали резиновыми бинтами на запястьях, и через разрезанный кончик одного из пальцев перчатки в полость вводили растворы. На голову надевали резиновый цилиндр, фиксируя его к шее резиновыми бинтами. Через отверстие, которое было против носа, вводили в полость растворы и наблюдали за состоянием лица.

В Институте биохимии Б.И.Збарский, будучи заместителем директора, отвел на первом этаже изолированную комнату для проведения экстренных опытов. В дальнейшем здесь испытывали действие перекиси водорода для отбеливания кожи, свойства ацетата калия и т.д.

В течение почти всего долгого периода бальзамирования В.П.Воробьева более всего беспокоили темные пятна на лице и кистях рук. С первых же дней он активно стал их обрабатывать перекисью водорода. Испытание перекиси в лаборатории показало, что эффект побеления пятен оказывается временным. Результат гораздо лучше при применении перекиси после энергичной обработки уксусной кислотой, которую стали использовать в виде аппликации, внутрикожных и даже внутримышечных инъекций. К радости Воробьева пятна стали постепенно исчезать. В дальнейшем при обработке перекисью стали добавлять аммиак для создания щелочной среды, активизировавшей действие пергидроля.

В.П.Воробьева не удовлетворяло медленное и неполное пропитывание тканей тела формалином, и он не был уверен, что последующие растворы будут легко проникать в ткани без разрезов кожи на теле. А можно ли их сделать? «Не думаете ли Вы, — обратился он к Б.И.Збарскому, — что в правительственных кругах не одобряют такие манипуляции?» Когда же В.П.Воробьев обратился к Б.С.Вейсброду и В.Н.Розанову — официально уполномоченным контролировать и наблюдать за процессом бальзамирования — с этим вопросом, ответы были уклончивы: «Действуйте как вам кажется необходимым, мы же только наблюдаем». А Розанов ответил: «Я вообще за мертвого не боюсь, а вот за живых опасаясь». На что Збарский справедливо заметил: «Есть много русских пословиц на этот счет. Например, „Дуракам половину работы не показывают“».

В начале апреля было решено обработать полость черепа. Из разреза в затылочной области была обнажена кость, в которой выпилили отверстия, а через них удалили бывшие в полости вату и сгустки крови. Кости черепа скрепили платиновой проволокой (отверстия просверлили бормашиной). Через отверстия в затылочной кости жидкость могла свободно проникать снаружи, из ванны, в полость черепа.

В течение нескольких дней тело находилось в ванне, наполненной трехпроцентным раствором формальдегида. На передней и задней поверхностях тела было сделано около двадцати глубоких разрезов с тем, чтобы вскрыть основные фасциальные пространства на передней стенке живота, плечах, предплечьях, на бедрах, голених и сзади вдоль длинных мышц спины и в ягодичной области. Эти разрезы позволили хорошо пропитать глубокие мышечные массивы формалином, а затем и бальзамирующими растворами. Впоследствии они же доставили множество хлопот в связи с труд-

ностью их заделки. В дальнейшем В.П.Воробьев рассек кожу ладоней и нижних поверхностей пальцев на обеих кистях рук.

В течение всего апреля Воробьев ежедневно и по многу часов отбеливал темные участки кожи на лице, кистях рук и на туловище, применяя иногда даже неразведенную, т.е. 30-процентную перекись водорода. Разумеется, это привело к частичному слущиванию рогового слоя эпидермиса на лице, но косметически было вполне допустимо и даже сыграло в дальнейшем положительную роль, улучшив проницаемость кожи для бальзамирующих растворов.

Через неделю тело было погружено в ванну с 20-процентным спиртом, а голова и кисти рук — в локальные ванны с 30—35-процентным спиртом. Такая спиртовая обработка продолжалась шесть дней. При контакте этилового спирта с гемоглобином образуются окрашенные в красный цвет соединения (метгемоглобин), улучшающие цвет кожных покровов, что было доказано П.А.Миновым и Н.Ф.Мельниковым-Разведенковым. Кроме того, спирт способствует удалению эпидермальных липидов, главным образом холестерина и фосфолипидов, что также увеличивает проницаемость кожной защитной пленки. Думаю, однако, что главными аргументами в пользу применения спиртовых ванн у В.П.Воробьева был его собственный музейный опыт.

С середины апреля в ванну стали добавлять глицерин, доведя его концентрацию до 20 процентов при 25—30 процентах спирта. После двухнедельного пропитывания в спирт-глицериновой ванне, в мае тело погрузили в водный раствор глицерина.

Некоторое размягчение тканей позволило в конце апреля вставить глазные протезы с наложением на края век двух-трех швов. В это же время были наложены швы через толщу верхней и нижней губ, прекрасно сомкнувшие ротовую щель. Узлы этих швов погрузили в усы и бороду, внешне они совершенно незаметны.

Много волнений доставляла неравномерность пропитывания кожных покровов, которая придавала вид «зебростости», чередования темных и светлых пятен, полос или точек на лице. По мере пропитывания тела эти дефекты постепенно исчезали. Иногда Воробьев предлагал «зигзаги», периодически погружая голову и кисти рук в ванны с однопроцентным раствором формальдегида. В мае почти все пигментные пятна на открытых частях тела стали практически незаметными.

В начале июня в ванну стали добавлять ацетат калия. Воробьев, как и все анатомы, пользовался своеобразными расчетами нужных концентраций. Своим помощникам-анатомам он приказывал мерить глицерин или ацетат ведрами на глазок, пудами или бутылками, что приводило в шок привыкшего к точности химика Збарского, который каждый раз пытался пересчитать состав раствора в ванне на литры, килограммы и проценты.

Деревянный мавзолей. 1930 г.

Так или иначе, но к концу июня тело находилось в жидкости с высоким содержанием глицерина (66 %) и ацетата калия. Збарский в лаборатории на Воронцовом поле пытался прикидочно выяснить, какая же в действительности нужна концентрация глицерина и ацетата, чтобы в условиях комнатной температуры (15—16 °С) и обычной для Москвы относительной влажности воздуха раствор быстро приходил в равновесное состояние. Эти исследования много лет спустя были тщательно выполнены С.Р.Мардашевым.

Волнения Воробьева были связаны еще с одним осложнением, появившимся в июне, — отечностью тканей в разных участках лица и кистей рук. Внезапно наступившая отечность искажала облик и требовала какого-то «лечения». Збарский предложил де-

лать примочки из абсолютного спирта, что действительно оказалось весьма эффективным.

В июне уже полным ходом шло сооружение деревянного мавзолея по проекту А.В.Щусева (гранитный будет сделан только в 1939 г.). Наступило время позаботиться о всех технических сторонах будущей усыпальницы: саркофаге, оформлении зала, освещении, температуре, влажности и др. Эти заботы взял на себя Б.И.Збарский. Он встретился с Л.Б.Красиным, руководившим всем комплексом работ. С помощью Красина впоследствии были решены многие технические проблемы. Был утвержден проект саркофага в виде трехгранной призмы, на срезанной верхней грани которой укреплялись электрические лампочки. Необходимо было учесть в задней торцевой стенке закрывающиеся отверстия для возможных манипуляций снаружи, отверстия для измерения влажности и т.д.

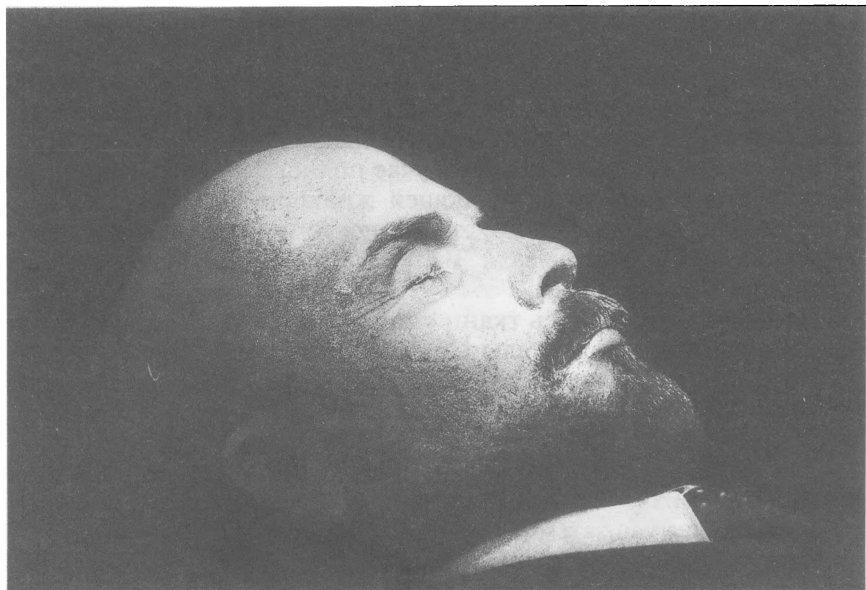
Трехгранный саркофаг по проекту К.С.Мельникова, как оказалось в дальнейшем, был крайне неудачным: тело, лежащее в нем, отражалось, как в зеркалах, на боковых гранях, а проходившие мимо саркофага видели не одно, а сразу три изображения Ленина. Впрочем, было много и других дефектов. Спустя много лет их удастся устранить, и саркофаг превратится в технически совершенное сооружение.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

16 июня 1924 г. Ф.Э.Дзержинский, имевший постоянный контакт с Б.И.Збарским, попросил узнать, нельзя ли показать тело В.И.Ленина делегатам конгресса Коминтерна, проходившего в это время в Москве. В.П.Воробьев дал согласие, но просил два дня на подготовку тела к обозрению. Необходимо было сделать множество дел: привести в порядок траурный зал, одеть тело В.И.Ленина, подготовить его к обозрению.

Решено было взять белье Ленина у Н.К.Крупской, на квартиру которой и направился Збарский.

«С первых же слов, — вспоминал Збарский, — она мне сказала совершенно неожиданно, что она относится неодобрительно к нашей попытке». «Мне со всех сторон говорят, — сказала Крупская, — что это вообще неосуществимая вещь. Что Вы там делаете? Неужели Вы думаете, что возможно сохранить тело Владимира Ильича так, чтобы оно лежало на воздухе? Лучше уж было похоронить его в свое время, чем так продолжительно поддерживать какие-то несбыточные надежды. Ведь все равно потом придется похоронить Владимира Ильича». «Она очень волновалась, — вспоминал Збарский, — говоря все это. Надежда Константиновна принесла рубашки, кальсоны, носки; руки у нее дрожали». Збарский

Ленин в саркофаге спустя 70 лет после бальзамирования.

пригласил ее в мавзолей 18 июня и она пообещала прийти с сестрами и братом Ленина.

День 17 июня был полностью занят подготовкой тела Ленина. Было надето белье, брюки и френч, в которых он лежал в Колонном зале. Тело было уложено в гроб на постаменте, головой обращено к Кремлю так, что можно было, обходя постамент, осматривать лицо и руки В.И.Ленина с трех разных сторон. Нижняя часть туловища была покрыта знаменем ЦК партии. Все было впервые, поэтому возникала масса вопросов: а будет ли привыкать глаз зрителя, входящего в полутемное помещение с ярко освещенной площади? Какой должен быть наклон головы? Как уложить руки? Хорошо ли будет освещено тело лампами с матовыми абажурами?

Вечером 18 июня были поставлены часовые у «ног» постамента и в 19 ч 30 мин процессия делегатов конгресса направилась к мавзолею от Никольских ворот. Прошли в траурный зал и родные В.И.Ленина. Н.К.Крупская, выйдя из мавзолея, плакала. Дмитрий Ильич пожал руки В.П.Воробьеву и Б.И.Збарскому, проговорив: «Я сейчас ничего не могу сказать, так я взволнован. Однако скажу только, он выглядит так, как в первый день после смерти, а пожалуй и лучше». Взволнованы были и делегаты съезда. Это была победа. Воробьев и Збарский расцеловались.

РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Был конец июня, до назначенного В.П.Воробьевым окончания работ остался один месяц. Воробьева не устраивало то обстоятельство, что при пропитывании тела в очередной ванне оно не погружалось самостоятельно: ведь в случае полного пропитывания оно должно быть тяжелее окружающей жидкости. Однако не было времени ждать полного погружения, поэтому при смене концентраций на тело накладывали марлевые мешочки, наполненные стеклянными шариками.

Плохо пропитывались ткани спины, стоп и пальцы рук, что и было причиной дополнительных разрезв кожи.

Пора было «приучать» тело к пребыванию в воздушной среде, поэтому в течение июля его на несколько часов ежедневно помещали на каталку.

Для профилактики возможного попадания микроорганизмов или простейших по предложению Б.И.Збарского в ванну добавляли один процент, а затем до двух процентов хлорида хинина.

Наступила пора подготовки тела к окончанию работ. Было решено поверх смоченного белья туго забинтовать все тело и конечности резиновыми эластичными бинтами (их изготовили на заводе «Каучук»). Однако первая же проба показала, что бинты окрашивают белье в коричневый цвет. Позднее изготовили бесцветные превосходные резиновые бинты на заводе «Треугольник» в Ленинграде. Верхнюю одежду (брюки и френч) сохранили старые. Установили саркофаг в траурном зале. Вдоль верхней грани саркофага укрепили шесть ламп накаливания. Провели все декоративные работы в зале — сменили обветшавшую красную с черным драпировку стен и потолка. Новые черного цвета серп и молот из материи прикрепили к потолку. Под постамент гроба поставили чашки Петри с водой и рассыпали кристаллы тимола.

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ В.П.ВОРОБЬЕВА И Б.И.ЗБАРСКОГО

22 июля, за четыре дня до официального окончания работ, по предложению В.П.Воробьева в траурный зал была приглашена комиссия экспертов в составе патологоанатома Н.Ф.Мельникова-Разведенкова из Краснодара, анатомов В.Н.Тонкова из Ленинграда и Г.М.Иосифова из Воронежа.

В течение четырех дней члены комиссии тщательно изучали состояние тела, скрупулезно сравнивая его с предыдущим описанием.

Члены комиссии действительно были высококвалифицированными и знающими дело бальзамирования специалистами. Достаточно заметить, что Н.Ф.Мельников-Разведенков еще в 1896 г. предложил оригинальный способ изготовления анатомических

Н.Ф.Мельников-Разведенков — автор способа бальзамирования.

препаратов с сохранением их естественной окраски с помощью пропитывания тканей спиртом, глицерином и ацетатом калия. Это дало ему основание в интервью Краснодарской газете заявить, что тело Ленина было бальзамировано по его способу. Это, кстати, не отрицал Воробьев, добавляя, правда, что отличие состоит в применении способа не на отдельных частях, а на целом трупе. Однако этот факт сильно задевал Б.И.Збарского, который отзывался о Мельникове-Разведенкове как о человеке высокомерном, имеющем «две фамилии и ни одного носа» (он и на самом деле был очень курнос).

24 июля прибыла правительственная комиссия, в которую вошли нарком здравоохранения Н.А.Семашко, профессора В.Н.Розанов и А.П.Савельев. Комиссия не скрывала своего восторга при осмотре бальзамированного тела. «Семашко, — вспоминал

Участники заседания правительственной комиссии (июль 1924 г.).

Во втором ряду (справа налево) — К.Е.Ворошилов, А.С.Енукидзе, Ф.Э.Дзержинский, В.П.Воробьев; В центре во втором ряду — Б.И.Збарский, выше — Н.Ф.Мельников-Разведенков.

Збарский, — говорил между прочим, что раньше он относился отрицательно к самой мысли о сохранении тела Владимира Ильича».

Обе комиссии подготовили акты и ожидали последнего перед открытием мавзолея заседания Правительственной комиссии Ф.Э.Дзержинского.

Ночь перед открытием мавзолея В.П.Воробьев и его команда провели в траурном зале. Эмоциональное напряжение достигло высшей точки. Воробьеву то казалось, что лицо Ленина вдруг стало сухим, то — что появилось желтое пятно на темени. Он непрестанно бранил Збарского, говоря о себе, что «он старый дурак», который дал себя уговорить Збарскому и т.д. и т.п. Збарский же был уверен в успехе. «Замечательно, — восклицал он, — замечательно, полная победа!»

26 июля 1924 г. к 10 ч утра все было готово к приему посетителей в мавзолее В.И.Ленина. В 12 ч дня ожидали высоких гостей. Воробьев и Збарский наблюдали, как через траурный зал прошли Дзержинский, Молотов, Ворошилов, Красин, Енукидзе и другие руководители (Сталина в Москве не было). Дзержинский по выходе из мавзолея подошел к Воробьеву и Збарскому, положил руки на их плечи и слегка привлек «виновников» к себе.

Заседание правительственной комиссии состоялось через час и проходило в Кремле в большом зале. Ф.Э.Дзержинский предоста-

Гранитный мавзолей В.И.Ленина. 1936 г.

Соне

вил первое слово В.П.Воробьеву, который, волнуясь, кратко рассказал об истории бальзамирования, о вкладе Мельникова-Разведенкова и о проделанной работе.

Н.Ф.Мельников-Разведенков зачитал акт комиссии экспертов: «Комиссия признает результаты бальзамирования удавшимися» и далее — «...предпринятые для бальзамирования мероприятия походят, по мнению экспертов, на прочных научных основах, дающих право рассчитывать на продолжительное, в течение ряда десятилетий, сохранение тела Владимира Ильича в состоянии, позволяющем обозревать его в закрытом стеклянном гробу при соблюдении необходимых условий со стороны влажности и температуры».

Н.А.Семашко огласил акт правительственной комиссии, заключение которого гласит: «Общий вид значительно улучшился по сравнению с тем, что наблюдалось перед бальзамированием, и приближается в значительной мере к виду недавно умерших».

В зале были выставлены бальзамированные анатомические препараты. «Если это не будет неприятно, а будет угодно, — обратился к присутствующим проф. Воробьев, — здесь есть части тела (препараты), приготовленные проф. Карузиным по тому же самому методу, по которому было произведено бальзамирование тела Владимира Ильича. Они висели в моей комнате на воздухе в течение трех месяцев».

С большой речью выступил А.С.Енукидзе, который говорил о

подвиге советских ученых и политическом значении сохранения тела В.И.Ленина. Комиссия просила подробно описать все этапы проведенной работы и передать это описание в Институт В.И.Ленина. Кроме того, она просила В.П.Воробьева и Б.И.Збарского «составить популярное описание метода», опубликовать статьи, в том числе и на иностранных языках.

В.П.Воробьеву присвоили звание заслуженного профессора. Наградили и деньгами: Воробьеву дали 40 тысяч, Збарскому 30, их помощникам — по 10 тысяч червонцев.

Закончилась большая и трудная работа. Была решена действительно уникальная и необычная задача — балъзамирование целого тела с полным сохранением объемов, форм и всей клеточной и тканевой структуры. В течение четырех месяцев Воробьев и Збарский трудились не покладая рук, решали многие сложные проблемы и добились безусловного успеха. 26 июля был их звездным днем.

1 августа 1924 г. Мавзолей В.И.Ленина был открыт для посещения, мимо саркофага за 70 лет прошло более 110 миллионов человек.

ПОСЛЕ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ

После завершения работы по балъзамированию тела В.И.Ленина жизнь В.П.Воробьева и Б.И.Збарского круто изменилась: они стали знаменитыми, их имена стали известны всему народу.

Дальнейшая судьба Воробьева сложилась счастливо. Тотчас по завершении работ в мавзолее он уехал в Харьков, оставив тело Ленина на попечение Збарского. Украина встретила его с почетом. Воробьеву выделяют деньги на ремонт кафедры анатомии и на закупку необходимого оснащения в Германии.

На конференции анатомов, которая проходила в 1924 г. в Харькове, политически ориентированный проф. В.И.Тонков — известный ленинградский анатом — уже убежден, что «...центр современной анатомической науки отныне переместился из Ленинграда в Харьков». На Воробьева сыплются награды: в 1927 г. — премия имени В.И.Ленина, в 1934 г. он получает (вместе с Б.И.Збарским) редкий в то время орден Ленина — высшую правительственную награду, его избирают членом Украинской Академии наук и даже членом ЦИК Украины (1935 г.). Ему предоставляются правительственные привилегии, предусмотренные специальным решением: «Анатом, академик ВУАН, руководитель кафедры анатомии человека, награжденный орденом Ленина, Воробьев Владимир Петрович вносится в список научных работников УССР, выдающихся крупных ученых, подлежащих обслуживанию комиссии содействия ученым при СНК Союза ССР» [ЦГАОР УССР, ф. 331, оп. 2, д. 48, л. 18].

Важным делом своей жизни В.П.Воробьев считал создание полноценного анатомического музея. Прекрасно сделанные препараты явились основой богато иллюстрированных учебников (1932, 1935—1936 гг.), а затем и пяти томов «Атласа анатомии человека». Издание атласа было завершено уже после смерти В.П.Воробьева в 1942 г. Ученый умер внезапно во время наркоза на операционном столе 31 октября 1937 г. в возрасте 61 года.

Судьба Б.И.Збарского в первые десятилетия после бальзамирования тела В.И.Ленина складывалась вполне благополучно. Ученый, к сожалению, не избежал трагедии. Как и В.П.Воробьев, он был удостоен многих правительственных наград. В 1946 г. ему было присуждено высшее звание — звание Героя Социалистического труда; заслуженного деятеля науки, Лауреата Государственной премии СССР. Б.И.Збарский был награжден разными орденами и медалями (более десяти). Он стал одним из организаторов Академии медицинских наук СССР, членом бюро и президиума академии. Когда в 1939 г. была создана научная Лаборатория при Мавзолее, Б.И.Збарский стал ее бессменным директором.

Большую часть своей жизни Б.И.Збарский заведовал кафедрой биохимии, вначале во II МГМУ (1930—1934 гг.), затем до конца своей жизни — в I Московском медицинском институте. Научные интересы Б.И.Збарского были сосредоточены вокруг проблем биохимии белка и опухолевого роста.

В 1952 г. — Б.И.Збарский был арестован, в 1953 г. после смерти И.В.Сталина реабилитирован. Дни его, однако, после этого уже были сочтены: 7 октября 1954 г. в возрасте 69 лет Б.И.Збарский скончался.

СЕКРЕТЫ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ

По рекомендации итогового заседания Правительственной комиссии (26.07.1924 г.) в августе 1924 г. было опубликовано сообщение В.П.Воробьева в журнале «Коммунист» (от 1 августа): «...каждая клетка прежде всего должна быть пропитана невысыхающими веществами, которые притягивали бы влагу из окружающего воздуха. Такими веществами являлись глицерин и уксуснокислый калий; глицерин никогда не высыхает, уксуснокислый калий особенно жадно притягивает воду. Поэтому клетка, пропитанная этими веществами, никогда не может ни загнить, так как глицерин хорошо консервирует, ни высохнуть, если в окружающей среде будет находиться некоторое количество влаги».

В.П.Воробьев описывает также принципы устранения пигментных пятен, или пергаментных пятен высыхания. Он говорит о трех этапах: первый — аппликация воды, второй — аппликация смеси воды с раствором уксусной кислоты и третий — «взбучива-

ние» с помощью перекиси водорода. Наконец, Воробьев постоянно напоминает, что его и Збарского заслугой является применение метода Мельникова-Разведенкова «...не к отдельным органам, как это ранее практиковалось, а к целому человеческому телу, чего еще никто нигде не пробовал делать» [Укр. мед. архив, 1930, т. 5, 2, с. 148].

Впрочем, несколько иного мнения придерживался Б.И.Збарский. В 1939 г. в одном из своих выступлений (19 января) в связи с 15-летием бальзамирования тела Ленина, Збарский вспоминает о весне 1924 г.: «Почти все ученые на заседаниях высказались о невозможности длительного сохранения тела в указанных условиях. В то время у меня с Воробьевым и возникла идея нового метода, дающего возможность такого сохранения».

Позже, уже в 1943 г., на совещании ученых в Тюмени, куда было эвакуировано тело Ленина, Б.И.Збарский сказал: «Теперь к вопросу о приоритете. Это вопрос очень большой. Он не лично мой, а советский. В нашей стране впервые в мире было это осуществлено и нигде это не повторено до сих пор. За границей, — подчеркнул он, — имеется много статей о сохранении тела Владимира Ильича. Статьи исключительно хвалебные. Американцы даже пишут, что это гениальная работа».

Я вынужден писать обо всем этом, чтобы избежать упреков (или даже, не дай Бог, преследований?!) в том, что в этой книге якобы открыты секреты бальзамирования, представляющие государственные интересы. По сути дела эти «секреты» давно уже открыты. Более того, любознательный читатель может самостоятельно найти описание способа, примененного при бальзамировании тела Ленина, даже в Большой советской энциклопедии (БСЭ, 1950, 2-е изд., т. 4, с. 175: «Кроме того, если тело уже набальзамировано раньше введением в его сосуды формалина, можно пропитать его глицерином или глицерино-уксусно-натриевой смесью посредством погружения тела в ванну, наполненную указанной жидкостью. Сходный способ был применен профессором В.П.Воробьевым и Б.И.Збарским при бальзамировании тела В.И.Ленина»).

Все-таки почему же с 1939 г. все исследования лаборатории, протоколы совещаний, все материалы, так или иначе связанные с Мавзолеем В.И.Ленина, были строго засекречены?

Вероятно, были чисто гуманные соображения: не совсем этично рассказывать о тех или иных манипуляциях с телом покойного вождя. По официальной версии сталинского времени, нельзя было публиковать любые сведения, которые могли бы как-то «приземлить», «принизить» образ вождя. В двухтомной «Биографии Ленина» (1987) можно проследить весь путь революции и истории партии и не найти почти ничего, что касалось бы личной его жизни.

Возможно и другое. Те, кто решал этот вопрос, искренне считали, что действительно существует тайна бальзамирования, особый метод Воробьева—Збарского, который заграничные разведки будто бы всячески стремятся разузнать.

Думаю, впрочем, что «закрытость» лаборатории была полезна тем, кто в ней работал. Оклад здесь повышенный (по причине секретности), да и условия работы хорошие, так как правительство не скупилось на закупку современного оборудования и реактивов. Впрочем, секретность оказалась в наше постперестроечное время полезной. В сегодняшних условиях, когда лаборатория стала частью коммерческой структуры, занимающейся бальзамированием, все технические, научные, манипуляционные, маленькие и большие нововведения, усовершенствования и т.д., которые были достигнуты за 70 лет работы сотрудниками лаборатории, приобретают определенную коммерческую ценность.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

В.П.Воробьев, как уже говорилось, сразу после завершения работ по бальзамированию тела Ленина уехал в Харьков, энергично занялся устройством кафедры, подготовкой фундаментального труда — пятитомного «Атласа анатомии человека», полностью доверив наблюдение за телом Ленина Б.И.Збарскому. Воробьев был уверен, что особых хлопот забальзамированное тело не доставит — бальзамирование было удачным, изменений объемов за счет высыхания можно не опасаться.

В 1924 г. было начато строительство нового гранитного мавзолея, в связи с чем в июле тело В.И.Ленина перенесли в Кремль, в один из его залов, и поместили в стеклянную ванну, заполненную бальзамирующей жидкостью. Это было первое после бальзамирования «путешествие» тела Ленина. В начале 1930 г. оно вновь вернулось в саркофаг в новом мавзолее, сделанном по проекту известного архитектора А.В.Щусева. Архитектор полагал, что наибольшая гармония с парадной Красной площадью, стоящей позади мавзолея Сенатской башней и кремлевской стеной будет достигнута при архитектурном решении мавзолея в строгих ступенчато-кубических формах.

Теперь уже трудно представить Красную площадь без этого гранитного сооружения, которое вписалось в общий ансамбль Кремля. Со вкусом подобранный гранит наружной облицовки трех цветов — красного, серого и черного (лабродорит и порфир), великолепное оформление просторного кубического траурного зала с изумительными инкрустированными, стилизованными ярко-красными порфировыми знаменами, опускающимися по стенам зала траурными полосами вместе со стоящим на высоком черном постаменте стеклянным, словно невесомым саркофагом, в котором ярко высвечено лицо и руки В.И.Ленина, — все это создает особую торжественную и приподнятую атмосферу Мавзолея.

В 1934 г. в связи с 10-летием сохранения тела Ленина была со-

здана комиссия по оценке состояния тела. Членами комиссии были А.И.Абрикосов, анатомы — А.А.Дешин и Г.Ф.Иванов, хирург В.Н.Розанов и патолог Л.Н.Федоров. В принятом заключении они признали, что бальзамирование тела Ленина — это «...научное достижение мирового значения, не имеющее прецедентов в истории», считали важным, чтобы В.П.Воробьев и Б.И.Збарский «...озаботились своевременным литературным оформлением истории этого дела, описанием методов как самого бальзамирования, так и ухода за телом для использования в будущем».

По рекомендации комиссии в качестве помощников для постоянного наблюдения за телом Ленина утверждаются Р.Д.Синельников — ближайший сотрудник В.П.Воробьева по кафедре — и сын Б.И.Збарского, Илья Борисович, биохимик (впоследствии академик РАН).

В 1937 г. внезапно умер В.П.Воробьев. Б.И.Збарский остался без лидера и без несомненно крупного авторитетного ученого, который в то непростое время мог бы быть неплохим гарантом безопасности Збарского и его прочного положения в обществе.

Нельзя, видимо, понять дальнейшее поведение Б.И.Збарского и всех его помощников без учета особенностей того трагического периода истории СССР.

1937 г. — год массовых арестов интеллигенции. Сажали в тюрьмы и ссылали в Сибирь за неосторожно сказанное слово, критику порядков, случайную служебную ошибку и т.п.

А на попечении Б.И.Збарского оставалось тело В.И.Ленина!

Любое замечание по состоянию тела, сказанное или написанное, гласно или, как это в то время широко практиковалось, негласно, путем тайных доносов, могло кончиться для Збарского трагически. Вот почему Збарский был так осторожен в выборе помощников, всячески старался не расширять круг сотрудников, не писал и не публиковал работы о бальзамировании (первая его книга «Мавзолей Ленина» вышла только в 1946 г.). Он тщательно обдумывал состав официальных комиссий по оценке состояния тела Ленина, словом, тщательно следил за своими поступками, хорошо понимая, что каждый его шаг и каждое слово открыто и тайно контролируется.

В 1938 г. в ноябрьские праздники (7 ноября), как обычно, Мавзолей посетили И.В.Сталин, В.М.Молотов и другие члены Политбюро. После осмотра тела Молотов будто бы бросил фразу «Здорово изменился», которая не могла остаться незамеченной. И тогда Збарский приходит к двум единственно верным решениям: надо переделать саркофаг, который имел существенные дефекты (на его боковых гранях отражалось, как в зеркалах, тело Ленина), и изменить систему освещения. Лампы накаливания, помещенные под верхней острой гранью призмы, не только нагревали тело, но и создавали искаженный образ с резкими тенями.

Высветить лицо и руки надо так, как на картинах Рембрандта: теплый золотистый цвет равномерным потоком льется на лица избранных персонажей.

Созданная 19 января 1939 г. комиссия (Абрикосов, Бурденко, Гращенков, Дешин, Карузин, Сперанский) полностью одобрила этот план и в своем решении записала пункт о срочном сооружении нового саркофага. В этом же году было начато его изготовление по проекту А.В.Шусева с участием скульптора Б.И.Яковлева и инженера-светотехника Н.В.Горбачева, а окончательно был оформлен он после войны, в сентябре 1945 г.

Саркофаг в законченном виде, по моему мнению, безупречен с художественной точки зрения, а инженерная конструкция позволяет добиться идеального освещения лица и кистей рук, а также постоянно контролировать температуру и влажность воздуха внутри саркофага. Тело, помещенное в новый саркофаг, сразу приобрело другой вид — розовый оттенок фильтров «оживил» кожные покровы, устранение теней сделало лицо и кисти рук объемными.

Комиссия (1939) решила также создать научную лабораторию, в состав которой вскоре ввели С.Р.Мардашева (биохимик), М.А.Барона (гистолог), Б.И.Лаврентьева (гистолог), Д.Н.Выропаева (анатом) и А.Н.Шабанова (хирург). Любопытно, что эта комиссия все-таки «не прошла» мимо замечания Молотова, вела себя придирчиво и отметила ряд изменений: чуть-чуть приоткрытые веки, дефекты в области плотно-фаланговых сочленений и др. Збарский заверил комиссию, что эти дефекты легко устранимы, известны с самого начала бальзамирования, хотя на самом деле все гораздо сложнее — просто нельзя было в тех условиях вести себя и поступать иначе.

Итог работы комиссии превосходен: «Задачу сохранения тела В.И.Ленина надо считать блестяще разрешенной».

Опыт работы с тремя комиссиями (1924, 1934 и 1939 гг.) привел Б.И.Збарского к двум важным заключениям: 1) состав комиссии (список экспертов) надо формировать самому директору лаборатории, а не ждать, пока кто-то другой ее назначит в неизвестно каком составе, и 2) включать в комиссию следует самых крупных ученых, невзирая на их узкую специализацию и ориентируясь прежде всего на государственный и научный авторитет и, что очень важно, порядочность. Жизнь потом подтвердит житейскую мудрость этих неписанных правил. Збарский отлично понимал, с каким опасным «материалом» он имеет дело.

По разным поводам, включая и особое мнение, и своеобразные предложения по улучшению бальзамирования, и просто из-за доносов (закрытых и открытых) в лабораторию многократно направлялись придирчивые высокие комиссии, которые доставляли много тревожных, тягостных и неприятных переживаний руководителям и сотрудникам.

Одним из сложных периодов в истории лаборатории была эва-

куация тела В.И.Ленина в тогда еще маленький сибирский город Тюмень во время Великой отечественной войны. Это второе «путешествие» тела Ленина, длившееся 1360 дней с июля 1941 по март 1945 гг., подробно описано Б.И.Збарским в его книге «Мавзолей Ленина» и, очевидно, нет нужды его излагать детально.

Любопытно, что об этой эпопее до выхода книги Б.И.Збарского в сущности никто в стране и не знал — так четко была налажена конспиративная служба НКВД. Гроб, сделанный из прочного дерева (чинара), с уложенным в него телом Ленина, обернутым простынями, которые были смочены бальзамирующей жидкостью, был помещен в специальный вагон-рефрижератор. Сопровождаемый охраной и небольшой группой ученых (Б.И.Збарский, И.Б.Збарский, С.Р.Мардашев) 3 июля 1941 г. поздно вечером этот вагон в железнодорожном составе из 9 вагонов отбыл из Москвы на восток в далекий город Тюмень.

В Тюмени было подобрано старое кирпичное здание бывшего реального училища, где после срочного ремонта и расположилась на многие дни лаборатория. На втором этаже в одной из изолированных комнат поставили стеклянную ванну, заполненную бальзамирующим раствором, в который было погружено тело Ленина. У дверей этой комнаты был поставлен военный караул — пост номер один (как его официально именовали в то время, когда он стоял у входа в Мавзолей).

С научных позиций этот период интересен в нескольких отношениях. Прежде всего были проведены опыты с подбором оптимальной концентрации компонентов, составляющих бальзамирующий раствор (С.Р.Мардашев). Состав раствора в дальнейшем уже не менялся.

Одно из случившихся в 1942 г. осложнений — появление на теле колоний грибов, занесенных с плохо стерилизованной марли (заметим, что стерилизованную воду привозили из Омска, а многие реактивы — даже из Москвы), явилось не только поводом для тщательного микробиологического (микологического) анализа, но и для выработки эффективных мер профилактики и устранения такого рода осложнений. Кстати, аналогичная ситуация была в 1933 г., когда грибы были занесены со знаменем Парижской коммуны, подаренным французскими коммунистами.

С 1942 г. по предложению Н.Н.Бурденко в лаборатории были введены строгие правила хирургической асептики. Во время работы с телом персонал стал надевать стерильные халаты, маски, бахилы, по правилам обрабатывать руки, применять только асептический материал и т.д.

В Тюмени были впервые проведены исследования микроскопической структуры некоторых тканей тела (М.А.Барон). Самым интересным явилось подтверждение хорошей сохранности мышечной ткани.

Более всего Б.И.Збарского и его сотрудников беспокоили проблемы, связанные с постоянно идущим гидролизом жира и восстановлением (восполнением) утраченных вследствие этого объемов тканей. Были разработаны рецепты инертных пластических масс и пути их введения в ткани. Эти работы (особенно по окислению липидов) будут продолжаться еще многие годы, пока не найдутся более или менее приемлемые решения.

Здесь, в Тюмени, были продолжены испытания различных светофилтров и выбраны наиболее подходящие для использования в осветительной системе нового саркофага.

В 1942, 1943 и 1944 гг. Тюмень посетили экспертные комиссии, в состав которых входили академики А.И.Абрикосов, Н.Н.Бурденко, А.Д.Сперанский, Л.А.Орбели и нарком здравоохранения СССР Г.А.Митерев. Все они высоко оценили работу Б.И.Збарского и его сотрудников. «Мое впечатление, — сказал Н.Н.Бурденко в 1943 г., — что это величайший эксперимент в анатомии и биохимии».

В конце марта 1945 г. специальный поезд с телом В.И.Ленина возвратился в Москву. В мае 1945 г. было завершено строительство нового саркофага. 16 сентября 1945 г. Мавзолей В.И.Ленина был вновь открыт для посетителей.

В послевоенное время лаборатория стала быстро расширяться, в нее вошла большая группа ученых самых разных специальностей. Для лаборатории было построено сначала небольшое двухэтажное здание на Садово-Кудринской улице (позади кафедры биохимии I Московского медицинского института), а затем, в 70-х годах, на Садовом кольце — специально спроектированный большой корпус, хорошо оснащенный всем необходимым для экспериментальной и научной работы.

Сотрудники лаборатории в послевоенные годы провели бальзамирование тела Г.Димитрова (1949), Чой-Болсана (1952), И.В.Сталина (1953). К.Готвальда (1953), Хо Ши Мина (1969), Н.Агостиньо (1977), Ким Ир Сена (1995) — покойных руководителей коммунистических партий Болгарии, Чехословакии, Монголии, Вьетнама, Анголы, Северной Кореи. Думаю, что в свое время об этом непременно будут написаны интересные и поучительные книги.

Нужна, разумеется, и особая книга, посвященная исследованиям и достижениям сотрудников лаборатории при Мавзолее, среди которых были такие известные ученые, как академики А.П.Авцын (патологоанатом), А.С.Павлов (радиолог), М.А.Барон (гистолог), Ю.И.Денисов-Никольский (анатом), С.Р.Мардашев (биохимик), С.С.Дебов (биохимик), профессора И.Н.Михайлов (гистолог), Ю.А.Ромаков (биохимик), И.О.Шибаета (гистохимик), Б.И.Хомутов (химик), Л.Д.Жеребцов (патолог) и многие другие.

В заключение мне представляется целесообразным для полно-

ты общей картины упомянуть о десяти важнейших итоговых достижениях лаборатории.

1. Научное обоснование и практическая разработка оптимального режима сохранения тела В.И.Ленина в саркофаге, позволившая в течение 70 лет наблюдать тело в практически неизменном состоянии.

2. Проведение в определенные сроки периодических циклов перебалзамирования с соблюдением ряда выработанных строгих правил и условий.

3. Исследование процессов окисления и гидролиза липидов и разработка эффективных мер приостановки этих процессов.

4. Изучение «болезней» балзамирования и разработка мер их профилактики и методик устранения.

5. Разработка совершенных способов коррекции дефектов объема тканей с учетом их микро- и макроструктуры.

6. Разработка новых методик введения фиксирующих и балзамирующих жидкостей в ткани балзамируемого объекта.

7. Создание совершенных методов бесконтактного контроля за состоянием кожного покрова, цвета, формы и объема мягких тканей и способов их объективной регистрации.

8. Создание оптимальных режимов температуры и влажности в саркофаге с полным автоматическим регулированием.

9. Перестройка условий освещения с обеспечением безопасности теплового или лучевого повреждения тканей тела.

10. Морфологический (гистологический, цитологический) мониторинг объекта.

Но это уже специфические проблемы, интересующие только специалистов по балзамированию.

ЭПИЛОГ-ПРИТЧА

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников».

Евангелие от Матфея, гл. 23, 29.

«Грабительство и насилие предо мною, и восстает вражда и поднимается раздор».

Книга пророка Аввакума, гл. 1, 3.

Почти 100 лет назад в большой стране народ был беден и притесняем господами и мытарями. Втянули вскоре народ в большую и бесконечно долгую войну с другими народами за власть и господство, которые ему были не нужны.

Оставил тогда царь свой престол, и стали править страной фарисеи и саддукеи. И не знали они, что делать с войной, голодом и как дальше жить.

Появился тогда человек, который сказал: «Я знаю!»

Он сказал солдатам: «Бросьте ружья и идите домой», хлебопашцам: «Возьмите себе землю и сейте хлеб», рабочим: «Владейте сами заводами и фабриками» — и тогда наступят мир на Земле, Равенство людей, Свобода и Братство.

И поверили ему люди, прогнали господ и ростовщиков и сказали: «Мы не рабы!»

И победили они тогда в междоусобной войне с теми, кто был не согласен с ними: брат убивал брата, сын — отца.

После этого они начали с радостью и надеждами строить новую справедливую жизнь.

И признали тогда люди в человеке, возвестившем новую жизнь, своего пророка и мессию.

Но скоро он умер, не прожив и половины отпущенной человеку жизни.

Тогда пришел новый правитель, который думал одно, говорил другое, а делал третье. Он повелел сделать из пророка идола, сделать его нетленным и поместить его в стеклянный гроб для поклонения.

И сделали тогда много каменных и литых идолов, расставив их повсюду. И наступило новое рабство: людей стали сгонять в стадо, а непокорных и инакомыслящих сажать в тюрьмы и истреблять.

И чем более жестоким был новый правитель, тем громче люди кричали: «Ура!»

Напал на страну изверг рода человеческого, но народ его победил и стал славным.

Когда умер жестокий тиран, предали его анафеме, а власть взяли другие люди.

Они пытались управлять страной по-старому, а народ хотел жить по-новому.

И тогда пришли совсем новые правители, которые сказали, что надо, чтобы опять были богатые и бедные, господа и рабы.

Стали тогда строить храмы и перестали строить жилища для простых людей. И стали поклоняться мамоне. Мало стали сеять хлеба и мало делать машин, а больше торговать с другими странами, продавая все, что само растет на земле или в земле лежит. И многие стали ворами и грабителями. И сказали новые правители просвещению и наукам: пусть подождут.

И начались тогда распри между людьми и народами и стали они друг друга уничтожать в жестоких войнах.

И подумали тогда люди: а что делать с пророком, лежащим в стеклянном гробу, и с его учением? Одни сказали — предать земле, так как он исчадь дьявола, а другие сказали — нельзя предавать земле, так как он пророк и мессия.

И никто теперь не знает, как быть и как дальше жить.

Июль—август 1995 г.

Подушкино

ПРИЛОЖЕНИЕ

Я решил дополнить свой рассказ «Приложением», полагая, что знакомство с некоторыми публикациями того времени может представить интерес для читателей. Впрочем, не скрою, были и соображения другого рода, которые, надеюсь, станут понятными из нижеизложенного.

Прежде чем передать рукопись для издания, я дал прочитать ее своим близким друзьям, ветеранам партии коммунистов, ученым РАМН, сотрудникам ряда издательств, работникам архива, руководителям лаборатории при Мавзолее и, наконец, представителям государственной службы по контролю и сохранению тайн.

Друзья и соратники одобрили все написанное безусловно и безоговорочно. Один из ветеранов-коммунистов резонно заметил, что эпитафии, взятые из Библии, как-то не вяжутся с именем В.И.Ленина и их надо убрать. В одной из редакций заявили, что я слишком симпатизирую Ленину, в другой — надо бы больше написать страниц и чем-то дополнить в целом хорошую рукопись. Академики-медики никаких ошибок или неточностей, касающихся болезней и прочего, не нашли.

Не правда ли, все это напоминает один старый анекдот об Иване, уезжающем отдыхать на юг. Жена просит непременно сообщить ей телеграммой о своем прибытии на место. По приезде Иван сочинил такую телеграмму: «Доехал благополучно. Целую. Иван». Подумав, он вычеркнул два первых слова (и так ясно, что доехал благополучно, раз шлю телеграмму). Еще подумав, он вычеркнул и слово «целую» (ни к чему). И осталось одно слово — «Иван».

Как бы то ни было, я все-таки не решился что-либо сокращать или менять в рукописи и отдал ее в редакцию, близкой мне «профессионально».

Ведь есть же у нас свобода слова! Тем более что в государственном перечне секретов лаборатория при Мавзолее и все бальзамировочные дела не значатся.

А смысл всей этой работы очень простой: с помощью правды прекратить, наконец, поток измышлений, нелепых догадок и фантазий, столь часто появляющихся в статьях и книгах о болезни, смерти и бальзамировании тела Ленина у нас и за границей.

ТЕЛО ЛЕНИНА СОХРАНЕНО НА РЯД ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Беседа с заслуженным профессором В.П.Воробьевым

История вопроса

— История нашего участия в бальзамировке тела тов. Ленина, — сказал Владимир Петрович, — такова. Прочитав в газетах описание первой бальзамировки, произведенной проф. Абрикосовым, я высказал мнение в частной беседе с тов. Жуком*, что примененный метод сохранит тело тов. Ленина на очень короткий срок. На его вопрос, есть ли другие способы длительного сохранения тела, я ответил, что таковые есть и что все зависит от того состояния, в котором находится в настоящее время тело.

Тов. Жук предложил немедленно сообщить об этом через Затонского в Москву, на что я, зная величайшую трудность дела, необходимость выполнения целого ряда условий и не осмеливаясь приняться за эту работу, ответил категорическим отказом. Тов. Жук, однако, без моего ведома известил об этом тов. Затонского, который послал телеграмму тов. Енукидзе с предложением вызвать меня в Москву.

Еще до получения ответа целый ряд лиц приходили ко мне, убеждали меня переменить свое решение. Мотивы их действовали на меня, и я сообщил тов. Жуку о своем согласии переехать при условии, если я получу от московского анатома проф. Карузина телеграмму, что тело тов. Ленина находится в таком состоянии, что вторичная бальзамировка является возможной.

До получения известий от Карузина пришла, однако, телеграмма от тов. Енукидзе с предложением немедленно отбыть в Москву. После переговоров с гг. Затонским и Гуревичем я прибыл в Москву вместе с моим помощником доктором Шабадашем и ассистентом кафедры проф. Браунштейна офтальмологом Замковским.

Первые заседания и предложения

Немедля мы были приняты тов. Красиным, затем тов. Семашко. Вместе с последним мы поверхностно осмотрели тело тов. Ленина. На состоявшемся вслед за тем у тов. Семашко заседании я указал на наличие идущих процессов высыхания и на необходимость принятия ряда мер, из которых одни являлись паллиативными, а другие мерами радикальными.

* Зав. отделом медобразования Главпрофобра.

Одновременно выяснилось, что о радикальных мерах идут большие споры и что наибольшие шансы имеет способ замораживания с постройкой ряда холодильных камер и камер для поддержания низкой температуры. Затем в ряде заседаний под председательством тт. Молотова, Дзержинского и Красина мое предложение не было поддержано большинством, в силу чего я вернулся обратно в Харьков.

Разрешение вопроса

Спустя 3—4 дня в Харьков прибыл тов. Красин, посетил устроенный мной наш учебный музей, осмотрел ряд препаратов с сохранением кожи и предложил мне по поручению председателя комиссии по увековечению имени тов. Ленина т. Дзержинского вновь выехать в Москву. Так состоялась наша вторичная поездка.

Оказалось, что за этот период было решено поручить мне бальзамирование и приняты все поставленные мной условия, которые касались: 4-месячного срока бальзамирования, допуска к производству бальзамирования только лиц, мной указанных, и обязанности представить после окончания бальзамировки тело Ленина в том виде, в каком оно находилось при начале моих работ. Работать мы начали 26 марта, и вся наша работа протекала под наблюдением комиссии, составленной из проф. Розанова, проф. Вейсброда и тов. Красина.

Обстановка вопроса и участники

Дело бальзамировки для длительного сохранения тела — дело весьма трудное, требующее целого ряда технических приспособлений, материальных средств и, конечно, прежде всего абсолютного душевного покоя, так как в каждый момент работы приходилось оценивать ряд явлений, анализировать их, придумывать ряд технических приемов, немедленно изготовлять ряд аппаратов, приборов и т.д.

Мои помощники по длительной работе при кафедре были идеально подготовлены к такому труду. Голоса наши были как бы спеты. Всякое распоряжение, даже простое движение понималось сразу. Неоценимую услугу оказывал нам проф. Збарский, ученик крупнейшего химика Баха, своими анализами химических процессов и физических явлений. Неоднократно советы в трудные моменты давались самим Бахом. Некоторые процессы анализировались крупным физиологом-химиком проф. Неубергом, гостившим временно в Москве. Нельзя не отметить особо внимательно-предупредительного отношения главного лица в этом деле тов. Дзержинского, его помощника тов. Беленького и коменданта Кремля — тов. Петерсона. Повторю, только при этих условиях возможно было произвести трудную работу, при абсолютной на-

пряженности мыслей, при страшном напряжении нервов, при сознании той ответственности, которая легла бы на нас при возможности какой-либо случайности.

Первые успехи

Каждый день приносил новые успехи, каждый день завоевывал доверие к нашей работе у наблюдавших за ней лиц. Уверенность в правильности предпринимаемых нами мер основывалась на опыте ряда ученых, на ряде наших работ при приготовлении в течение долгих лет многих препаратов, а также на том, что все приемы, применяемые к телу Ленина, ранее контролировались на отдельных частях различных препаратов, взятых нами в анатомическом театре Московского университета. Работа шла днем и ночью. Наблюдения проводились непрерывно всеми ее участниками. Время, необходимое на ход и завершение одного процесса, тратилось на обсуждение максимально рациональных последующих приемов.

В мае месяце мы имели возможность показать результаты нашей работы XIII съезду партии, а в июне — членам 5-го конгресса Коминтерна. Большим утешением для нас были слова, произнесенные братом тов. Ленина в ответ на мой вопрос «Как тов. Ленин выглядит?» Он ответил: «Я ничего не могу сказать, я сильно взволнован. Он лежит таким, каким я видел его тотчас после смерти...»

Целый ряд анатомов предлагали свои услуги и свое участие в бальзамировке. Нам нужна была консультация, в силу чего в середине бальзамировки был приглашен много проработавший в этом деле профессор Воронежского университета Иосифов, а также в конце бальзамировки была собрана комиссия из профессоров анатомии Ленинградской Военно-медицинской академии — Тонкова, Ростовского университета — Яцуты и известного патологоанатома, автора способа сохранения препаратов с нормальной окраской Мельникова-Разведенкова.

20 июля, по окончании нашей работы, комиссия экспертов приступила к детальному осмотру тела тов. Ленина, определила характер разных тканей: мышц, жира, кожи, состояние полостей и даже, что для нас являлось непредвиденным, особыми методами определила пропитанность бальзамирующими веществами костяка.

Научное обоснование бальзамировки

Идея, лежащая в самом процессе бальзамировки, была следующая: каждый кирпичик постройки — клетка тела тов. Ленина — должна быть пропитана невысыхающими веществами: которые притягивали бы влагу из окружающего воздуха. Такими веществами являлись глицерин и уксуснокислый калий. Глицерин никогда

не высыхает, уксуснокислый калий особенно жадно притягивает влагу. Поэтому клетка, пропитанная этими веществами, никогда не может ни загнить, так как глицерин хорошо консервирует, ни высохнуть, если в окружающей среде будет находиться некоторое количество влаги. Процесс пропитывания клеток, из которых построены ткани, а значит и тело, — процесс медленный. Вот почему нам необходим был 4-месячный срок.

При помощи методов, выработанных мной в анатомическом институте, о которых говорить здесь не место, высохшие участки кожи были восстановлены до цвета и характера свежей кожи и таким образом все тело оказалось пробальзамированным совершенно равномерно.

Тело сохранится на ряд десятилетий

С мнением комиссии, наблюдавшей за ходом работ, с мнением экспертов мы познакомились на последнем заключительном заседании под председательством тов. Дзержинского. Отказавшись отвечать на вопрос, сколько времени может лежать набальзамированное тело тов. Ленина, я с моими коллегами искренне обрадовались, заслушав мнение компетентных экспертов, что бальзамировка сохранит тело на ряд десятилетий.

Коммунист, 1924, 27 июля, № 171.

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ЛЕНИНА

Москва, 26. 26 июля в Кремле состоялось заседание комиссии по увековечению памяти Владимира Ильича.

Перед заседанием комиссия в составе гг. Дзержинского, Енукидзе, Красина, Ворошилова, Аванесова, Бонч-Бруевича, а также наркомздрава Семашко, проф. Воробьева, Шабаша, Карузина, Розанова, Журавлева, Замковского, Савельева и комендантов Кремля гг. Петерсона и Беленького посетила Мавзолей тов. Ленина.

Комиссия произвела детальный осмотр тела Владимира Ильича, покоящегося в закрытом стеклянном гробу. Владимир Ильич выглядит так же, как и в день смерти. Это блестящий результат работы, произведенный под руководством проф. Воробьева. Затем комиссия открыла свое заседание под председательством тов. Дзержинского в Кремле, в зале заседаний Президиума ЦИК СССР.

С обстоятельным докладом о бальзамировке тела Ильича выступил проф. Воробьев. Примененные им новейшие способы сохранения на длительный период тела Владимира Ильича вполне удалась.

Комиссия экспертов в составе профессоров Мельникова-Разве-

денкова, Тонкова и Яцута, ознакомившись с протокольным материалом по делу о бальзамировке тела Владимира Ильича и изучив в течение 22—26 июля вид и состояние его после бальзамировки, пришла к единому заключению, что произведенная проф. Воробьевым работа, основанная на прочных научных основаниях, дает право рассчитывать на продолжительное, в течение ряда десятилетий, сохранение тела Владимира Ильича в состоянии, позволяющем обозрение его в закрытом стеклянном гробу, при соблюдении необходимых условий в отношении влажности и температуры.

Другая комиссия в составе наркомздрава тов. Семашко, проф. Розанова и доктора Савельева, в присутствии экспертов профессоров Мельникова-Разведенкова, Тонкова и других 24 июля также произвела осмотр тела Владимира Ильича. Комиссия эта признала, что благодаря произведенной под руководством проф. Воробьева бальзамировке общее состояние тела Владимира Ильича приближается в значительной мере к виду недавно умершего.

Заслушав доклад проф. Воробьева и акты вышеозначенных комиссий, комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти Владимира Ильича постановила:

1. Возложить периодический осмотр тела Ульянова-Ленина на комиссию в составе профессоров Воробьева и Збарского под общим наблюдением комиссии ЦИК СССР.

2. Поручить профессорам Воробьеву и Збарскому: а) составить подробное описание всей произведенной работы и всех результатов, обнаруживших при операции с телом с тем, чтобы это подробное описание было передано в Институт имени тов. Ленина; б) составить популярное издание методов, примененных для бальзамирования тела Ульянова-Ленина, с кратким историческим введением относительно бальзамирования вообще, для широкого распространения; в) опубликовать научные статьи и работы в связи с бальзамировкой тела в тех изданиях, какие они найдут уместными для научных целей.

Все оригинальные записи, чертежи и рисунки и т.д., относящиеся к бальзамировке тела Владимира Ильича, подлежат представлению в Институт тов. Ленина через председателя Комиссии ЦИК по увековечению памяти Ульянова-Ленина.

Затем состоялось чествование проф. Воробьева (Харьков), награжденного званием заслуженного профессора.

Коммунист, 1924, 12 августа, № 183.

КАК БАЛЬЗАМИРОВАЛИ ТЕЛО В.И.ЛЕНИНА

На расширенном пленуме коллегии Наркомпроса и научного комитета было заслушано сообщение проф. Воробьева по бальзамировке тела В.И.Ленина.

В последнее время, говорит тов. Воробьев, харьковским проф. Мельниковым-Разведенковым разработан новый способ бальзамировки трупов — сохранение тел не в жидкости, а в полувлажном состоянии. При этом способе достигается полное сохранение нормальной прижизненной окраски кожи. Первая бальзамировка тела Владимира Ильича была произведена великолепно. Проф. Абрикосову было поручено сохранить тело Владимира Ильича на 6 дней, тело же пролежало около месяца. После нашего приезда в Москву нами был установлен ряд изменений, которые произошли в теле Ленина. Эти изменения шли по двум направлениям: во-первых, шло естественное разложение тела и, во-вторых, сухая мумификация — высыхание тела. Процесс высыхания коснулся некоторых частей головы и лица. Мы бальзамировали тело двумя способами: способом проф. Мельникова-Развенкова и моим. Высохшие части подвергались сначала действию простой воды, потом воды, смешанной со слабым раствором уксусной кислоты, а затем обработке перекисью водорода. Это последнее химическое соединение выделяет, разлагаясь, водород, который взбучивает всю клетчатку и дает возможность действовать на ткани солям калия ацетикума и глицерина.

Смысл всей бальзамировки заключается в том, чтобы клетки тела были пропитаны бальзамирующими веществами. Когда мы внимательно осмотрели тело Владимира Ильича, то оказалось, что оно было вскрыто: сосудистые трубки были перерезаны и не годились для нашей работы. Поэтому нам пришлось прибегнуть к откалыванию, а затем к широким разрезам, посредством чего бальзамирующие вещества получили доступ к самым отдаленным участкам тела. Концентрация жидкостей в тканях непрерывно увеличивалась. Мы продолжали вводить в тело спирты, формалины, глицерины, в которых был растворен калий ацетикум. Содержание глицерина было доведено до 66 %.

В результате бальзамировки мы добились полного уничтожения пергаментных пятен, а ткани кожи тела Ленина теперь совершенно не отличаются ни по своему цвету, ни по своей консистенции от тканей нормальных. Процесс бальзамировки сделал то, что сейчас абсолютно все клетки тела Владимира Ильича пропитаны глицерином и калия ацетикума. Калий ацетикум — очень гигроскопическая соль, притягивающая влагу из воздуха. Поэтому тело может высохнуть только тогда, когда влаги совершенно не будет. В целях поддержания влажности воздуха тело Владимира Ильича будет заключено по проекту тов. Красина в стеклянный гроб, стоящий на стеклянной плите и покрытый стеклянным колпаком. Пространство внутри гроба сообщается с внешним миром только посредством двух отверстий, закрытых герметическими резиновыми пробками, соединенными с термометром и гигрометром. Насыщенность этого пространства влагой в настоящее время равна 92 % по гигрометру.

По убеждению экспертов и по мнению бальзамировавших, тело Владимира Ильича может сохраняться неопределенно долгое время. Пробальзамированы не только все клетки, но и костяк. Жидкость проникала даже до самого костного мозга.

Коллегия Наркомпроса выразила тов. Воробьеву и участникам бальзамировки докторам Шабадашу, Журавлеву и Замковскому благодарность за их труды, благодаря которым трудящиеся массы мира получают возможность видеть облик величайшего вождя мировой революции. Наркомпрос отмечает, что в стенах Харьковского анатомического института, несмотря на тяжелые материальные условия, непрерывно течет научная мысль и вырабатываются талантливые работники. Наркомпрос заявляет, что им будут приняты меры к тому, чтобы Институт нормальной анатомии, директором которого состоит заслуженный проф. В.П.Воробьев, мог широко, свободно и плодотворно продолжать творческую работу.

Медицинское обозрение, 1896,
том XLV, № 5, отдел III,
с. 472—493

НОВЫЙ СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ АНАТОМИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ*

д-ра мед. Н.Ф.Мельникова-Разведенкова, хранителя
анатомо-патологического музея Московского университета

Принципиальная сторона предложенного мною способа приготовления анатомических препаратов уже описана в краткой заметке о приготовлении анатоми-патологических препаратов, напечатанной в 1-й книжке Медицинского обозрения за текущий год... В настоящее время техническая сторона этого нового способа консервирования разработана настолько, что возможно приступить к более подробному, более систематическому описанию процесса приготовления препаратов...

Формалин, предложенный в 1893 г. Blum, скоро нашел себе применение для консервирования анатомических препаратов. Растворы его в воде дешевле спирта, между тем в сравнении с последним формалин является лучшей консервирующей средой, так как он не так быстро обесцвечивает препараты. Все-таки в водных растворах формалина органы животных теряют свою окраску вследствие того, что гемоглобин крови разрушается или, по крайней мере, переходит в соединение, имеющее другую окраску. К достоинствам формалина как консервирующей жидкости принадлежит свойство его фиксировать тканевые элементы, вследст-

* Статья приведена с сокращениями.

вие чего консервированные в нем препараты годны для микроскопического исследования...

Таким образом, из многочисленного ряда всевозможных способов трудно было выбрать хотя бы один, который удовлетворял бы основному требованию консервирования, заключающемуся в том, что препараты должны сохранять свою первоначальную окраску. Только применение для сохранения препаратов *формалина с последующей обработкой их спиртом и уксуснокислым калием* дало возможность разрешить удовлетворительно основную задачу консервирования анатомических препаратов.

Первые мои опыты с применением формалина для сохранения анатомо-патологических препаратов начаты еще в конце 1893 года...

Из формалина препараты переносятся непосредственно в спирт, лучше 95 %, хотя можно пользоваться и менее крепким спиртом. В течение уже первых минут обнаруживается действие спирта на окраску препаратов, обработанных чистым формалином. Они приобретают окраску, значительно приближающуюся к той, которую имели до погружения в формалин. Особенно ясно выступают мельчайшие веточки сосудов, содержащие кровь. Цветовые оттенки в окраске препаратов сохраняются хорошо. Спирт проявляет и фиксирует ее довольно прочно.

Приблизительно через 6—8 часов препарат переносится из спирта в раствор уксуснокислого калия с глицерином (aquaе destil.100,0; glycer.60,0; kalii acet.30,0). При этом можно руководствоваться следующими соображениями. В формалине препараты приобретают большую плотность и увеличиваются в объеме приблизительно на 40 %. Спирт, напротив, сильно уменьшает объем препаратов; от спирта ткани сморщиваются. Необходимо обращать внимание на эти факторы и, сообразно с обстоятельствами, пользоваться ими так, чтобы органы при окончательной их обработке сохраняли свой первоначальный объем и в то же время делались бы плотными. Достигнуть этого удастся повторным перенесением препарата из спирта в глицерин с уксуснокислым калием и обратно. Надо следить за препаратом в спирте, чтобы вовремя заметить сморщивание его, перенести в жидкость с уксуснокислым калием, в которой препарат сохраняет свою форму. Таким образом, маневрируя, если можно так выразиться, между этими двумя жидкостями, спиртом и уксуснокислым калием, можно достигнуть того, что ткань органа уплотняется окончательно и не изменяет своей формы под влиянием спирта.

Действие спирта — уплотняющее и фиксирующее тканевые элементы, благодаря чему получают препараты, годные для микроскопического исследования. Вместе с этим спирт, как выше упоминалось, фиксирует и окраску препаратов. При обработке препарата формалином и спиртом получается стойкое соединение гемоглобина, имеющее окраску крови, усиливающуюся затем от

уксуснокислого калия при перенесении препаратов в его раствор. Глицерин и уксуснокислый калий мацерируют ткани, делают их полупрозрачными, просвечивающими, в чем заключается недостаток консервирующих жидкостей, в состав которых входит глицерин. При вышеуказанном порядке обработки нежелательное действие глицерина и уксуснокислого калия парализуется спиртом. Под влиянием формалина и спирта препараты приобретают такую плотность, что могут оставаться потом долго без изменения в жидкости, состоящей из воды, глицерина и уксуснокислого калия. Если случилось бы каким-нибудь образом, что препараты начали поддаваться действию глицерина с уксуснокислым калием, то стоит только перенести их в спирт на некоторое время — тогда препараты снова делаются годными для хранения в жидкости.

Лучше сохранять препараты в растворе уксуснокислого калия в воде с прибавлением глицерина. Эта жидкость усиливает интенсивность окраски, оставаясь совершенно прозрачной и бесцветной, если препарат обработан формалином и спиртом удовлетворительно. Первые порции этой жидкости, в которую препараты переносятся из спирта, немного буреют. Но когда препарат полегит в такой побуревшей жидкости 2—3 недели, можно тогда перенести его в чистую жидкость, которая при таких условиях может оставаться бесцветной неопределенно долгое время...

Приготовленные препараты можно сохранять или в жидкости, или в желатине. Лучшей средой можно пока считать, кроме спирта, жидкость, содержащую уксуснокислый калий и глицерин. Прежде наши препараты оставались в смеси из 60 % глицерина и 40 % уксуснокислого калия, которая стоит сравнительно дорого. Опыт показал, что можно изменить состав, готовить 20 % раствор уксуснокислого калия и прибавлять около 5 % глицерина. В такой смеси хорошо консервированные препараты не изменяют своего цвета...

Предлагаемый способ приготовления препаратов имеет мало общего с прежними шаблонными способами. Он состоит в обработке препаратов химически чистыми реактивами, но не смесью их, а каждым отдельно, причем они применяются в известной последовательности. Этот способ не похож на способ Викарсгеймера, предложившего для консервирования одну жидкость, сложный состав которой был приведен в начале этой статьи. Особенность его заключается в том, что первоначальная окраска сначала изменяется от действия одного реактива, а потом восстанавливается под влиянием других реактивов. От действия формалина, спирта и уксуснокислого калия в препаратах происходят цветовые реакции, как в пробирках. Гемоглобин в тканях переходит при этом в новые соединения, стойко удерживающие окраску крови. Изменения цвета препаратов сводятся к изменениям цвета крови. Если анемичная кожа с подкожножирным слоем, в кото-

ром также нет крови, обрабатывается чистым формалином, то последний остается совершенно бесцветным. Препарат также не окрашивается. Препараты же, богатые кровью, сами окрашиваются в аспидный цвет и окрашивают формалин в зеленовато-голубой цвет. При погружении препаратов из формалина в спирт на поверхности последнего долгое время выделяются пузырьки газа. Все это указывает на то, что при обработке препаратов образуются новые химические соединения гемоглобина или его производных. Чтобы объяснить процесс с химической стороны, необходимы специальные химические исследования.

В заключение остается сказать, что все органы и ткани человеческого тела возможно консервировать по предлагаемому способу...

Прошло почти полгода со времени приготовления наших первых анатомических препаратов, и они остаются до сих пор без изменения. Можно надеяться, что они еще долго будут сохранять вид свежих препаратов.

Москва, 20 февраля 1896 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрикосов А.И. (1875—1955) — патологоанатом, академик, зав. кафедрой патол. анатомии I Московского медицинского института, директор НИИ нормальной и патологической морфологии.

Аванесов В.А. (1884—1930) — государственный деятель, 1919—1924 гг. — зам. наркома РКИ, с 1925 г. — зам. наркома внешней торговли.

Авербах М.И. (1872—1944) — врач-офтальмолог, академик. Принимал участие в лечении В.И.Ленина.

Авцын А.П. (р. 1908) — патолог и нейроморфолог, директор Института морфологии человека (с 1961 г.).

Аничков Н.Н. (1885—1964) — патолог, академик, Президент АМН (1946—1953), основоположник холестериновой теории атеросклероза.

Арманд (Тэффен) И.Ф. (1875—1920) — член партии с 1904 г., с 1909 по 1917 г. — в эмиграции, соратник В.И.Ленина. После революции — член Московского комитета партии большевиков, председатель Московского совнархоза.

Арманд И.А. (1898—1971) — член коммунистической партии с 1917 г., в 1921—1923 гг. — сотрудник полпредства СССР в Германии.

Барон М.А. (1904—1974) — гистолог, чл.-корр. РАМН, зав. кафедрой гистологии I МОЛГМИ.

Бах А.Н. (1857—1946) — активный политический деятель, академик, народо-волец. С 1918 г. — директор Физико-химического института в Москве.

Богданов П.А. (1882—1939) — член партии большевиков с 1905 г., председатель ВСНХ России. Арестован в 1937 г.

Боголепов Н.Н. (р. 1933) — нейрогистолог, директор НИИ мозга РАМН, чл.-корр. РАМН.

Борхард М. (1868—1948) — немецкий экстраординарный профессор университета, хирург, доктор медицины, тайный медицинский советник, директор хирургического отделения больницы Моабит в Германии. В 1933 г. эмигрировал из Германии, умер в Аргентине.

Боткин С.П. (1832—1889) — выдающийся русский врач-терапевт, с 1861 г. — профессор кафедры терапии Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, лейб-медик царского двора Александра II.

Бумке О. (1877—1950) — профессор, психиатр (Мюнхен, Лейпциг).

Бурденко Н.Н. (1876—1946) — академик, главный хирург Советской армии, директор Института нейрохирургии (1934).

Бухарин Н.И. (1888—1938) — член партии большевиков с 1906 г. После Октябрьской революции — ответственный редактор газеты «Правда», с 1919 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), член Президиума исполкома Коминтерна.

Бонч-Бруевич В.Д. (1873—1955) — член партии большевиков с 1895 г. После Октябрьской революции до октября 1920 г. — управляющий делами СНК РСФСР. Позднее — на хозяйственной, издательской и научной работе.

Бунак В.В. (р. 1891) — известный русский антрополог, директор Института антропологии и зав. кафедрой МГУ.

Варга Е.С. (1879—1964) — экономист, деятель компартии.

Вейсброд Б.С. (1874—1942) — член партии большевиков с 1904 г., хирург. В 1918 г. — один из первых врачей, оказавших помощь раненому В.И. Ленину.

Воробьев В.П. (1876—1937) — видный анатом, зав. кафедрой анатомии Харьковского университета (с 1918 г.), автор «Атласа анатомии» в 5 томах. В 1924 г. балзамировал тело В.И. Ленина.

Ворошилов К.Е. (1881—1969) — видный деятель коммунистической партии и советского государства. С 1925 г. — нарком по военным и морским делам. Член Политбюро с 1924 по 1952 г., затем — Президиума ЦК КПСС.

Гетье Ф.А. (1863—1938) — врач-терапевт, главный врач Басманной, затем основатель и первый главный врач Солдатенковской (ныне им. С.П. Боткина) больницы. Главный врач санатория «Химки». Лечащий врач Н.К. Крупской и В.И. Ленина.

Горький М. (Пешков А.М.) (1868—1936) — русский советский писатель.

Геншен С.Е. (Henschen S.E.) (1847—1930) — шведский профессор, специалист в области заболеваний мозга.

Гращенко Н.И. (1901—1965) — невропатолог, академик АМН, зам. наркома здравоохранения СССР (1937—1939).

Даркшевич Л.О. (1858—1925) — врач-невропатолог, профессор.

Дебов С.С. (1919—1995) — биохимик, академик РАМН, директор НИИ Лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина (1967—1995).

Дешин А.А. (1869—1945) — русский анатом, с 1917 г. — профессор второго МГУ (с 1930 г. — II Московский медицинский институт).

Держинский Ф.Э. (1877—1926) — член партии большевиков с 1895 г. После революции — председатель ВЧК, с 1924 г. — председатель ВСНХ.

Енукидзе А.С. (1877—1937) — член партии большевиков с 1898 г., с 1918 г. — секретарь ВЦИК, с 1923 по 1935 г. — секретарь ЦИК СССР.

Ерманский (Коган) О.А. (1866—1941) — социал-демократ, меньшевик, в 1918 г. — член ЦК меньшевистской партии. С 1921 г. — на научной работе.

Збарский Б.И. (1885—1954) — биохимик, академик АМН, зав. кафедрой биохимии I Московского медицинского института, участник балзамирования тела В.И. Ленина.

Збарский И.Б. (р. 1913) — биохимик, академик РАМН, работал в Мавзолее В.И. Ленина с 1934 по 1952 г.

Зиновьев (Радомыльский) Г.Е. (1883—1936) — в партии большевиков с 1901 г. После революции — член Политбюро ЦК, председатель исполкома Коминтерна. В 1934 г. исключен из партии.

Иванов Г.Ф. — анатом, зав. кафедрой анатомии I МОЛГМИ.

Иосифов Г.М. (1870—1933) — профессор анатомии, зав. кафедрой Томского и Воронежского медицинских институтов.

Калинин М.И. (1875—1946) — член РСДРП с 1898 г., с 1919 г. — председатель ВЦИК, с 1922 г. — председатель ЦИК СССР, с 1926 г. — член Политбюро ЦК КПСС.

Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883—1936) — член партии большевиков с 1901 г. После Октябрьской революции — председатель Московского совета, заместитель Председателя СНК, член Политбюро ЦК РКП(б).

Карпов Л.Я. (1879—1921) — член партии большевиков с 1897 г., организатор Физико-химического института.

Клемперер Г. (1865—1946) — немецкий врач-терапевт, профессор.

Кожевников А.М. — старший врач-невропатолог нервного отделения александровской (ныне им. Н.А. Семашко) больницы.

Крамер В.В. (1876—1935) — врач-невропатолог, профессор, консультант Лечсанупра Кремля.

Красин Л.Б. (1870—1926) — член ЦК партии с 1903 г., видный хозяйственник и дипломат. С 1920 г. — нарком внешней торговли, посол СССР во Франции, а затем — в Англии.

Крупская Н.К. (1869—1939) — жена В.И.Ленина. Член партии большевиков с 1898 г. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомата просвещения, с ноября 1920 г. — председатель Главполитпросвета.

Лаврентьев Б.И. (1892—1944) — гистолог, чл.-корр. АН СССР (1939), зав. кафедрой II Московского медицинского института (1934—1944).

Лурье З.Л. — невропатолог, профессор, консультант 4-го Главного управления.

Мардашев С.Р. (1906—1974) — биохимик, зав. кафедрой I Московского медицинского института, директор Лаборатории при Мавзолее В.И.Ленина (1952—1962).

Мельников К.С. — архитектор, автор проекта первого саркофага.

Мельников-Разведенков Н.Ф. (1866—1937) — патологоанатом, действительный член Академии наук Украины. В 1920—1925 гг. — ректор Кубанского медицинского института. В 1896 г. разработал способ бальзамирования, примененный В.П.Воробьевым и Б.И.Збарским при бальзамировании тела В.И.Ленина.

Меркулов С.Д. — скульптор.

Минаков П.А. (1865—1931) — судебный медик, профессор, зав. кафедрой II Московского медицинского института (с 1906 г.).

Минковский О. (Minkowski O.) (1858—1931) — немецкий (Бреслау) врач-терапевт, основоположник учения о диабете.

Митерев Г.А. (1900—1977) — с 1939 по 1947 г. нарком (министр) здравоохранения СССР, профессор, зав. кафедрой гигиены I ММИ.

Молотов (Скрябин) В.М. (1890—1986) — член партии большевиков с 1906 г., с 1926 г. — член Политбюро, в 1930—1941 гг. — председатель СНК СССР, с 1933 г. — министр иностранных дел СССР, первый заместитель председателя СМ СССР.

Нонне М. (Nonne M.) (1861—1959) — известный немецкий невропатолог (Гамбург).

Обух В.А. (1870—1934) — член партии большевиков с 1894 г., врач-гигиенист. С 1919 г. — зав. Московским отделом здравоохранения.

Орбели Л.А. (1882—1958) — физиолог, академик, начальник кафедры ВМА (1925—1950), вице-президент АН СССР (1942—1946).

Осипов В.П. (1871—1947) — психиатр, академик АМН СССР. С 1915 г. — начальник кафедры ВМА, директор Института мозга им. В.М.Бехтерева в Санкт-Петербурге.

Очкин А.Д. (1886—1952) — профессор-хирург. С 1910 г. работал в больнице им. С.П.Боткина, заведовал кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей.

Преображенский Е.А. (1886—1937) — член партии большевиков с 1903 г., председатель финансового комитета ЦК и СНК, председатель Главпрофобра. В 1929 г. исключен из партии, репрессирован.

Пятаков Г.Л. (1890—1937) — член партии большевиков с 1910 г. В 1922 г. — заместитель председателя Госплана СССР, зам. наркома тяжелой промышленности. В 1936 г. исключен из партии, репрессирован.

Розанов В.Н. (1872—1934) — хирург, с 1910 г. — заведующий хирургическим отделением Солдатенковой больницы.

Россолимо Г.И. (1860—1928) — невропатолог, с 1917 г. — заведующий кафедрой I МГУ, директор клиники и Неврологического института.

Рыков А.И. (1881—1936) — член ЦК партии большевиков (с 1905), член Политбюро, зам. председателя Совнаркома (1918), с 1924 г. — председатель Совнаркома, репрессирован, расстрелян.

Саркисов С.А. (1895—1971) — нейроморфолог и нейрофизиолог, академик РАМН, директор НИИ мозга АМН СССР (1938—1968).

Семашко Н.А. (1874—1949) — член партии большевиков с 1893 г. С 1918 по 1930 г. — народный комиссар здравоохранения РСФСР.

Сперанский А.Д. (1888—1961) — патолог, академик, директор Института экспериментальной патологии АМН (1945—1955).

Струков А.И. (1901—1988) — патологоанатом, академик РАМН, зав. кафедрой I МОЛГМИ (1953—1972).

Тонков В.Н. (1872—1954) — анатом, член коммунистической партии с 1932 г. С 1917 по 1925 г. — начальник Военно-медицинской академии.

Троцкий (Бронштейн) Л.Б. (1879—1940) — политический деятель, с 1917 г. — большевик, наркоминдел, наркомвоенмордел, предреввоенсовета, в 1929 г. выслан из СССР, убит в Мексике.

Ульянова (Елизарова-Ульянова) А.И. (1864—1935) — старшая сестра В.И.Ленина, член партии большевиков с 1898 г., член редколлегии газеты «Правда», работала в Наркомсобесе.

Ульянова М.И. (1878—1937) — сестра В.И.Ленина, член партии большевиков с 1898 г., участница революции 1905 г. и Октябрьской революции, ответственный секретарь газеты «Правда».

Ульянов Д.И. (1874—1943) — младший брат В.И.Ленина, член партии большевиков с 1903 г., врач. В ноябре 1897 г. был арестован по делу московского «Рабочего союза» и содержался в Таганской тюрьме по август 1898 г. С 1921 г. работал в Наркомате здравоохранения.

Уншлихт И.С. (1879—1938) — член партии большевиков с 1900 г. С 1918 г. — на ответственной военной и хозяйственной работе.

Федоров Л.Н. (1891—1952) — физиолог, академик АМН СССР, директор Всесоюзного института экспериментальной медицины.

Федосеев Н.Е. (1871—1898) — один из первых русских марксистов.

Ферстер О. (1873—1941) — немецкий невропатолог и психиатр (Брислау).

Фотиева Л.А. (1881—1975) — с 1918 г. секретарь Совнаркома СТО и секретарь В.И.Ленина.

Чазов Е.И. (р. 1929) — кардиолог, академик РАН, директор Кардиоцентра РАМН.

Чичерин Г.В. (1872—1936) — дипломат, с 1918 по 1930 г. — нарком иностранных дел, член ЦК партии.

Шор Г.В. (1872—1948) — патологоанатом, профессор I Ленинградского медицинского института.

Штрюмпель А. (Strumpell A.) (1853—1925) — глава немецкой школы невропатологов, крупный специалист по нейросифилису.

Щусев А.В. (1873—1949) — архитектор, автор многих проектов в Москве, в том числе Мавзолея В.И.Ленина.

Ярославский (Губельман) Е.М. (1878—1943) — историк и публицист, академик. С 1918 по 1943 г. — на партийной работе.

Яцута К.З. (1876—1953) — анатом, зав. кафедрой анатомии II Петербургского (1915—1916), затем Ростовского медицинских институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов А.С.* У кремлевской стены. — Изд. 7-е. — М.: Изд-во полит. лит-ры. — 1987.
- Богданов А.П., Богданов Г.П.* Долг памяти. — М.: Московский рабочий, 1990.
- БСЭ.* — Изд. 2-е. — Т. 4. — М., 1950. — С. 175.
- В дни скорби.* — М.: Московский рабочий, 1924.
- Воспоминания медиков о В.И.Ленине.* — М.: Медицина, 1969.
- Воспоминания о В.И.Ленине.* — Т. 1, 2, 3, 4, 5. — М.: Изд. полит. лит-ры, 1979.
- Волгогонов Д.* Ленин. — Кн. 1, 2. — М.: Новости, 1994.
- Дневники дежурных секретарей В.И.Ленина.* — В кн.: В.И.Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 483.
- Збарский Б.И.* Мавзолей Ленина. — М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1945.
- Збарский И.Б., Николаев П.Г.* Б.И.Збарский. — М.: Медицина, 1990.
- Как бальзамировали тело В.И.Ленина//Коммунист.* — № 183. — 1924. — 12 августа.
- Котырев А.Н.* Мавзолей В.И.Ленина. — М.: Сов. художник, 1970.
- Крупская Н.К.* Воспоминания о В.И.Ленине. — 3-е изд. — М.: Политиздат, 1968.
- Лауер В.В.* О способах, примененных при бальзамировании тела В.И.Ленина//Кубанский науч.-мед. вестник. — Т. 4. — 1924.
- Ленин В.И.* Биография. — Т. 1, 2. — М.: Политиздат, 1987.
- Ленин В.И.* Библиографическая хроника. — Т. 10, 11, 12. — М.: Политиздат, 1979, 1980, 1992.
- Лопухин Ю.М.* Болезнь и смерть В.И.Ленина//Гласность. — 1990. — 18 октября.
- Мельников-Разведенков Н.Ф.* Новый способ приготовления анатомических препаратов//Мед. обозрение. — Т. 45, № 5. — 1896. — С. 472—493.
- Мельников-Разведенков М.* Про наукові способи перманентного збереження тіла В.І.Лєніна//Укр. мед. арх. — Т. 5, № 2. — 1930. — С. 148—150.
- Новоминский А.Н., Попов В.Н.* В.П.Воробьев. — Киев: Наукова Думка, 1980.
- Петровский Б.В.* Ранение и болезнь В.И.Ленина//Правда. 1990. — 26 ноября.
- Последние письма и статьи В.И.Ленина.* — В кн.: Полн. собр. соч. В.И.Ленина. — Т. 45. — С. 343—406.
- Розанов В.Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче. — В кн.: Воспоминания о В.И.Ленине. — Кн. III. — 1925. — С. 121—136.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 44.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 16.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 14, 16, 18а.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 52.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 22.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 42.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 52.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 3с, д. 6.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 86.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 3с, д. 9.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 3с, д. 10.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, д. 14, 16, 18а.
- РЦХИДНИ*, фонд 16, оп. 2с, ед. хр. 4.
- РЦХИДНИ*, фонд 4, оп. 1, ед. хр. 99.

Семашко Н.А. Что дало вскрытие тела Владимира Ильича//Известия. — 1924. — 25 марта.

Тело т. Ленина сохранено на ряд десятилетий//Коммунист. — № 175. — 1924. — 1 августа.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. — М.: Панорама, 1924.

Увековечение памяти Ленина//Коммунист. — № 171. — 1924. — 27 июля.

Ульянов Д.И. Воспоминания о Владимире Ильиче. — М.: Политиздат, 1964.

Ульянова М.И. О Владимире Ильиче (последние годы жизни)//Журн. Изв. ЦК КПСС. — 1991. — № 1, 2, 3, 4.

Фотиева Л.А. Из жизни В.И.Ленина. — М.: Политиздат, 1967. С. 71—117.

Melnikov-Raswedenkov N. Über lie wissenschaftlichen Verfahren zur permanenten Erhaltung der Leiche von W.I.Lenin//Укр. мед. арх. — Т. 5, № 2. — 1930. — С. 150—152.

Fisher L. The life of Linin. — N.-Y.: Harper and Row, 1964. — P. 103.

Henschen I.D. Lenins sjukdom och dod. — In: Sydsvenska medicinhistoriska... 8 (1978). — S. 197—2Р3.

Payne R. The life and death of Lenin. — N.-Y.: Simon and Schuster, 1964. — P. 672.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. Болезнь и смерть В.И.Ленина	6
Болезнь	7
Завещание	16
Кончина	19
2. Чем же болел В.И.Ленин?	24
Диагностические потемки	25
Патологоанатомическое исследование. Временное бальзамирование	30
Атеросклероз	32
Мозг В.И.Ленина	38
Роковая пуля Каплан	40
3. После смерти В.И.Ленина	44
Похороны	45
Проект Л.Б.Красина	48
Знаменательная встреча	49
В.П.Воробьев и Б.И.Збарский	50
Мартовские дискуссии	53
Последние дискуссии	56
Теперь или никогда	58
4. Бальзамирование	63
Работа в склепе	63
Генеральная репетиция	70
Работа продолжается	72
Звездные часы В.П.Воробьева и Б.И.Збарского	72
После бальзамирования	76
Секреты бальзамирования	77
Что было дальше	79
Эпилог-притча	85
Приложение	87
Указатель имен	98
Библиография	102

ОПЕЧАТКА

На стр. 75 подпись к фото следует читать

Бывшее реальное училище в Тюмени (см. стр. 82)

